

EUROPA ORIENTALIS 10 (1991)

“ВЕСЕЛЫЙ ГОД” МАЯКОВСКОГО

НИКОЛАЙ ХАРДЖИЕВ

В литературной автобиографии “Я сам”, в главке “Веселый год”, Маяковский писал: “Ездили Россией. Вечера. Лекции. Губернаторство настораживалось... Часто обрывались полицией на полуслове доклада”.

Необходимость широкой пропаганды теории и практики нового течения была обусловлена бойкотом со стороны издателей, отказывавшихся печатать книги поэтов-футуристов.¹ Между тем тиражи футуристических сборников, издававшихся самими поэтами, не превышали тысячи экземпляров. В большинстве случаев книги футуристов издавались в количестве 300-500 экземпляров. Поэтому знакомство провинциальных читателей с кубо-футуризмом было основано преимущественно на информации желтой прессы.

В декабре 1913 г. Маяковский, Давид Бурлюк и Василий Каменский предприняли турне по России.² Этой поездке предшествовали эпатажные выступления Маяковского, Д. Бурлюка, Крученых и их соратников в Москве и Петербурге.

Во время турне Маяковский читал лекцию “Достижения фу-

¹ См. в литературной автобиографии Маяковского (главка “Веселый год”): “Издатели не брали нас... У меня не покупали ни одной строчки”.

² Турне было задумано в ноябре 1913 г.: см. в газ. “Наша копейка” (Вильно, 1913, 11 ноября). Анонс о вечерах футуристов помещен в харьковской газете “Южный край” 30 ноября 1913 г.

туризма", впервые прочитанную в Москве 11 ноября 1913 г.

Тезисы:

1. Квазимодо-критика. Вульгарность.
2. Мы — в микроскопах науки.
3. Взаимоотношение сил жизни.
4. Город-дирижер.
5. Группировки художественных сект.
6. Задача завтрашнего дня.
7. Достижение футуризма сегодня.
8. Русские футуристы: Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, Хлебников, Василий Каменский, Крученых, Лившиц.
9. Различие в достижениях, позволяющее говорить о силе каждого.
10. Идея футуризма как ценный вклад в идущую историю человечества.³

Первый тезис лекции Маяковского ("Квазимодо-критика") представляет собой сатирическое использование имени персонажа романа В. Гюго "Собор парижской богоматери". Однако Маяковский здесь имеет в виду главного героя другого романа того же автора — "Человек, который смеется". Это подтверждается одним из газетных отчетов о данной лекции: "... критика стала, по словам лектора, маской смеха" ("Утро", Харьков, 1913, 16 декабря).

Лекцию "Кубизм и футуризм", посвященную новейшим течениям в живописи Франции, Италии и России, Д. Бурлюк неоднократно читал на диспутах 1912-1913 гг. (с демонстрацией картин на экране):

1. Причина непонимания зрителем современной живописи. Критика.
2. Что такое (искусство) живопись?
3. Европа. Краткий обзор живописи XIX в. Ложно-классицизм. Барбизонцы. Курбэ.
4. Россия. Образцы: Брюлов, Репин, Врубель.
5. Импрессионизмы.
6. Ван-Гог, Сезанн. Монтичелли.

³ Афиша.

7. Линия. Поверхность. Краска.
8. Понятие “фактуры”.
9. Кубизм как учение о поверхности.
10. Рондизм (искусство последних дней). Футуристы.
11. “Бубновый валет”, “Союз молодежи”, “Ослиный хвост”.

Программа полемического доклада В. Каменского — “Смехачам наш ответ” — чрезвычайно близка к тезисам лекций Маяковского (“Достижения футуризма”)⁴ и Д. Бурлюка (“Пушкин и Хлебников”),⁵ прочитанных 11 ноября 1913 г. в Москве:

1. Что такое разные Чуковские, Брюсовы, Измайлова?
2. Умышленная клевета на футуристов критиков литературного хвоста.
3. Невежественные толкования газет о наших выступлениях.
4. Отсюда — предубежденное отношение большинства публики кисканиям футуристов.
5. Причины непонимания задач искусства.
6. Слово утешения к тем, кто свистит нам — возвестникам будущего.
7. Наши достижения в творчестве.
8. Напрасные обвинения в скандалах — мы только поэты.

Турне началось поездкой в Харьков. Выступление трех поэтов-футуристов состоялось 14 декабря в Общественной библиотеке.

Среди многочисленных, преимущественно издевательских отчетов об этом вечере,⁶ наиболее беспристрастный был

⁴ “1. Квазимодо-критика. 2. Газеты и журналы так милы в смехе. 3. Критика в хвосте поэзии. Образцы вульгарной критики. Корней Чуковский, Сергей Яблоновский, Валерий Брюсов и другие”.

⁵ “Позорный столб российской критики... Сумятица и неразбериха критической поэзии, передержки, Чуковский, Философов, Измайлова, Львов-Рогачевский, Яблоновский и др. Либералы и кадеты от критики превращаются в крепостников, раз идет речь о свободе искания в области литературы. Наша критика — охранители литературных традиций. Вопрос традиций, преемственности. Решение его есть вопрос о праве на существование нового искусства” (афиша). Эту лекцию Д. Бурлюк впервые прочел в Петербурге 3 ноября 1913 г.

⁶ См. напр. “Психопаты искусства” (“Харьковские ведомости”, 1913, 18 декабря).

помещем в газете “Утро” (Харьков 1913, 16 декабря): “В половине девятого появились на эстраде лектора и еще некто четвертый, не упомянутый в афише и, как потом оказалось, взятый для декламирования их стихов”.⁷ Троє из них Д. Бурлюк, Каменский и неизвестный — с разрисованными лицами... У каждого в петлице странные длинные цветы. Привлекла внимание публики и знаменитая ‘желтая кофта’ Маяковского. “Желтая кофта оказалась обыкновенной блузой без пояса, типа парижских рабочих блуз, с отложным воротником и галстуком... Блуза оказалась в широких черных и оранжево-желтых полосах. На красивом смуглом и высоком юноше блуза производила очень приятное впечатление”.⁸

Первым выступил В. Каменский: “Он сравнивал роль критиков в искусстве с ролью якорей, цепей, тормозов и канатов. Референт очень обижен критиками, задерживающими, по его мнению, ход развития искусства... Докладчик сравнивал их с людьми, держащимися за хвост бегущего коня и не отпускающими хвоста, чтобы забежать вперед и взглянуть в солнечный его лик, лик искусства... Докладчик устанавливает три элемента футуристического творчества: 1) интуитивное начало, 2) личную свободу и 3) абстрактное творчество и утверждает, что... слово — самоцель поэзии. ‘Поэзия есть праздник бракосочетания слов’...⁹ Заканчивает докладчик тем, что муга скоро убежит из наших музеев в футуристические города будущего”.

Декларативная часть доклада В. Каменского совпадает с тезисами кубо-футуристических манифестов 1912-1913 гг.

Д. Бурлюк, выступавший вторым, посвятил свой доклад установлению связи кубизма и футуризма с предшествующей художественной культурой. По словам рецензента, “это был трактат по истории живописи, сопровождавшийся демонстрацией лучших живописных образцов от Рафаэля до футу-

⁷ По свидетельству В. Каменского, это был художник Владимир Бурлюк (В. Каменский, Жизнь с Маяковским, Москва 1940, с. 73). Сообщение В. Каменского я считаю ошибочным: в эстрадных выступлениях своих соратников В. Бурлюк никогда не участвовал.

⁸ По сообщению С. Д. Долинского, желтая кофта была сшита по образцу кофты знакомого Маяковского, наездника Синегубкина.

⁹ Ср. “железобетонную поэму” В. Каменского “Константинополь”, в его сборнике “Танго с коровами” (М. 1914).

ристов при помощи волшебного фонаря". Когда Д. Бурлюк приступил к демонстрированию своих картин, публика начала с чрезмерным шумом аплодировать. Но "лектор сразу водворил порядок, покрыв шум зычным призывом: Будем заниматься делом!"

Маяковский начал свой доклад полемикой с критиками русского кубо-футуризма:

Он, Маяковский, призывает к научному мышлению, в частности — к диалектическому пониманию истории и эстетики... В эстетике, больше чем где-либо, держится метафизический взгляд, что эстетические нормы неизменны... Критики футуризма ненаучны. Лектор... жаловался на язык, которым А. Измайлов и другие критики пишут о футуристах.

Известный в дореволюционной России критик и пародист А. Измайлов был одним из наиболее активных противников нового искусства с момента его возникновения.¹⁰ Фельетоны А. Измайлова, печатавшиеся в "Биржевых ведомостях" полны издевательских нападок на кубо-футуристов, в особенности на Маяковского и Хлебникова. Привожу заглавия двух наиболее известных статей А. Измайлова о футуристах: "Рыцари ослиного хвоста" и "Рыцари зеленого осла".¹¹ В своих докладах 1913-1914 гг. Маяковский всегда упоминал его статьи среди "образцов вульгарной критики". Неслучайно монтаж этих образцов, помещенный Д. Бурлюком в "Первом журнале русских футуристов" под заглавием "Позорный столб российской критики", открывается цитатами из А. Измайлова.

Большая часть доклада Маяковского содержала в себе выпады, направленные против старшего поколения. Так, например, Маяковский продемонстрировал применение инерционных ритмико-синтаксических формул в стихах Валерия Брюсова, включив в середину его стихотворения четыре

¹⁰ См. его фельетон "Усмейные смехачи, или курам насмех" ("Биржевые ведомости", веч. вып., 1910, 17 мая).

¹¹ "Биржевые ведомости", веч. вып., 1913, 25 января; "Биржевые ведомости", веч. вып., 1913, 3 декабря. Первая из этих статей — рецензия на сборник "Пощечина общественному вкусу". А. Измайлов писал: "Вся книжка новых декадентов полна невероятными дикостями и намеренными вычурями... Вот, например, 'стихи' Маяковского..."

строки из поэмы Пушкина “Евгений Онегин”¹². Далее Маяковский противопоставил раннюю экспериментальную вещь Хлебникова “О, рассмейтесь, смехачи!”, построенную на многочисленных производных от “смех” и “смеяться”, стихотворению К. Бальмонта “Хвалите”, где заклинательная интонация достигнута тавтологическим повторением императива.¹³ В отличие от Бальмонта, который “со своей любовью только топчется, по мнению лектора, на одном месте” и от Леонида Андреева, “веявшего на публику могильным холодом”, Хлебников “брьзнул целым фонтаном задорного смеха”.

Привожу описание заключительной части доклада Маяковского:

Прочитав ряд стихотворений Бурлюка, Северянина, Каменского и своих и установив, что те же элементы были в стихах и прежних поэтов, он говорит, что могут спросить: если все это было и раньше, то в чем же наша заслуга? И он отвечает: И египтяне, гладя шерсть сухих черных кошек, умели извлекать электричество, но мы все же не им приписываем честь открытия электричества...¹⁴ В заключение состоялось отделение декламации. Все четверо декламировали стихотворения свои и своих отсутствующих товарищей... Зaintересованная публика задержала лекторов после лекции и в вестибюле, ведя с ними долгие и оживленные прения.

Следующее выступление футуристов состоялось в Симферополе с участием Игоря Северянина.

* * *

¹² Ср. в статье Маяковского “Поэты на фугасах” (1914).

¹³ Ср. в статье Маяковского “В. В. Хлебников” (1922).

¹⁴ Ср. в статье Маяковского “Без белых флагов” (1914): “Это... творчество языка для завтрашних людей — наше новое нас оправдывающее. Нет нужды, если даже в этой задаче мы сблизимся с какой-нибудь мыслью старых. Ведь когда египтяне или греки гладили черных и сухих кошек, они тоже могли добыть электрическую искру, но не им возносим мы песнь славы, а тем, кто блестящие глаза дал повешенным головам фонарей и силу тысячи рук влив в гудящие дуги трамваев”. См. также тезисы доклада Маяковского “Перчатка”, прочитанного 13 октября 1913 г. Сведения В. Каменского о втором выступлении футуристов в Харькове и об их выступлении в Полтаве оказались недостоверными (Путь энтузиаста, М. 1931, с. 182; Жизнь с Маяковским, М. 1940, с. 77).

Впоследствии Игорь Северянин вспоминал, что турне по Крыму было ему предложено его почитателем Вадимом Баяном (Сидоровым), бездарным поэтом, но весьма состоятельный жителем г. Симферополя. Игорь Северянин дал согласие “под условием выступления Маяковского, Бурлюка и Игнатьева”.¹⁵

Еще в конце 1912 г. Игорь Северянин отошел от возглавляемой им группы эго-футуристов и через год примкнул к “будетлянам”. В результате этого блока стихи бывшего лидера эго-футуристов были напечатаны в кубо-футуристических сборниках, вышедших в начале 1914 г. — “Молоко кобылиц” и “Рыкающий Парнас”. Игорь Северянин даже подписал групповой манифест в сборнике “Рыкающий Парнас”, направленный против всех враждебных кубо-футуризму группировок, не исключая петербургских и московских эго-футуристов.

По приезде в Симферополь Маяковский и Игорь Северянин присутствовали в Театре Таврического дворянства на встрече нового 1914 года. Когда Маяковский, явившийся в желтой чернополосой кофте, взошел на трибуну, приветственные возгласы сменились криками “долой!” Зычный голос поэта удалось заглушить только громыханием оркестра, который спешно переместили на эстраду (“Южные ведомости” и “Южное слово”, Симферополь 1914, 3 января; “Крымский вестник”, Севастополь 1914, 4 января).

1 января в газете “Южное слово” появился анонс об устраиваемом 7 января “Вечере эго-футуристов” (Игорь Северянин, Маяковский, Иван Игнатьев и Борис Богомолов). Маяковский вызвал в Симферополь Д. Бурлюка, находившегося в

¹⁵ Игорь Северянин, “Воспоминания о Маяковском”, рукопись (Музей Маяковского). В конце 1913 г. был издан сборник стихов Вадима Баяна *Лирический поток* (СПб. 1914). Сборник “лирионетт” и “баркаролл” открывается лаконичным предисловием Северянина, весьма язвительно охарактеризовавшего “творчество” своего эпигона: “Иznеженная жеманность — главная особенность творчества Вадима Баяна... Его поэзия напоминает мне прыжок, сделанный на луне: подпрыгнешь на вершок, а прыжок аршинный”.

то время в Херсоне.¹⁶

22 декабря Д. Бурлюк прочел в херсонской Городской аудитории лекцию “Футуризм в живописи”, а на следующий день там же состоялись две лекции: Николая Бурлюка (“Миф-сказка-слово”) и Давида Бурлюка (“Что такое футуризм”). Лекции иллюстрировались чтением футуристических произведений и показанными на экране картинами Владимира и Давида Бурлюков (“Юг”, Херсон 1913, 20. 22. 24 декабря).

Выступление Маяковского, Д. Бурлюка, Игоря Северянина и Вадима Баяна, “строителя” вечера в Театре Таврического дворянства, состоялось 7 января: все билеты были распроданы (“Южное слово”, “Южные ведомости”, Симферополь 1914, 5 и 9 января). На этом вечере, названном Маяковским “Олимпиадой футуризма”, должен был читать доклад и глава петербургских эго-футуристов Иван Игнатьев (“О вселенском футуризме”). Однако личные обстоятельства заставили его отказаться от поездки (вскоре он кончил жизнь самоубийством).

С чтением докладов выступили Д. Бурлюк и Маяковский (“Футуризм в живописи” и “Футуризм в литературе”). Выступление завершилось “Олимпиадой”. Сохранился автограф Маяковского — программа “Первой олимпиады российского футуризма” (с подзаголовком “Поведет состязающихся Владимир Маяковский”):

I. Мы.

Новые гунны.

О меди и мясе.

Гений без костюма.

Зачем узоры и галстуки из аршина весны?¹⁷

Если есть Давид Бурлюк, значит, стальные грузные чудовища¹⁸ нужнее Онегина, а если пришел Игорь Северянин,

¹⁶ 5 января Д. Бурлюк писал из Екатеринослава В. Каменскому, находившемуся в Москве: “Еду в Симферополь (по приглашению Маяковского). Скоро буду в Москве. Высланы рисунки трагедии” (архив В. Каменского). Здесь Д. Бурлюк имеет в виду готовившуюся к изданию трагедию “Владимир Маяковский”, иллюстрированную В. и Д. Бурлюками.

¹⁷ Ср. строки 1-3 стихотворения “Кофта фата”.

¹⁸ Цитата из стихотворения Д. Бурлюка, напечатанного в сборнике “Садок судей” II (1913).

значит, Crême de violettes¹⁹ глубже Достоевского.

Я какой?

II. Состязаются

Вадим Баян (стихи)

Игорь Северянин (поэзы)

Давид Бурлюк (стихи)

Владимир Маяковский (стихи и куски трагедии. Шла в Петербурге, Театр Комиссаржевской).²⁰

По сообщению одной из газет, Маяковский читал свои стихи “с хлыстом в руке”. Д. Бурлюк прочел и стихотворение отсутствовавшего И. Игнатьева (“Южное слово”, Симферополь 1914, 9 января).

9 января состоялся “поэзоконцерт” в Севастополе, в зале Общественного собрания (“Свободное слово”, Севастополь 1914, 11 января). По газетному сообщению, Маяковский “читал очень красиво и толково”, а многочисленная публика “была очень внимательна”.

В качестве образцов “вселенского футуризма” Д. Бурлюк прочел заумные стихи Алексея Крученых. Маяковский прочел “О, рассмейтесь, смехачи!” Хлебникова. Наибольший успех имели “музыкальные стихи” Игоря Северянина.

Из Севастополя поэты отправились в Керчь. Накануне выступления они посетили Зимний театр, где была поставлена “Принцесса Грэза” Э. Ростана. Маяковский и Д. Бурлюк с футуристической разрисовкой на лицах сидели в ложе, возле которой толпилась публика (“Южная почта”, Керчь 1914, 14 января).

Вечер футуристов состоялся 13 января в Зимнем театре. В одном из газетных отчетов есть следующие подробности: “Немногочисленная публика (театр был более чем наполовину пуст), слушая футуристическую поэзию, все время смеялась”, а Маяковскому, назвавшему “лучших русских критиков бараньими головами, шикала и свистала”.²¹

¹⁹ Цитата из стихотворения Игоря Северянина “Фиолетовый транс” (сб. *Громокипящий кубок*, М. 1913).

²⁰ Описание “Олимпиады футуризма” см. в автобиографическом романе в стихах Игоря Северянина *Колокола собора чувств* (Юрьев, 1925).

²¹ “Крымский вестник”, Севастополь 1914, 17 января; “Керченский курьер” и

В Керчи между участниками турне произошел конфликт. Впоследствии Северянин объяснил ссору тем, что Маяковский и Бурлюк отказались выполнить его требование: выступать без эпатажного грима и в “обыкновенных костюмах”. Привожу отрывок из неопубликованных воспоминаний Игоря Северянина:

В Керчи ... Маяковский облачился в оранжевую кофту, а Бурлюк в вишневый фрак при зеленой бархатной жилетке. Это явилось для меня полной неожиданностью. Я вспылил, меня с трудом уговорили выступить, но зато сразу же после вечера я укатил в Питер.

После разрыва бывший дождь эго-футуристов предпринял самостоятельную поездку по городам России.

В интервью с сотрудником одесской газеты Игорь Северянин дал чрезвычайно резкую оценку эпатажному эксцентризму и поэтической практике своих недавних союзников, заявив, что “между эго-футуристами и кубо-футуристами нет никаких точек соприкосновения”.²²

* * *

13 января в Одессе, у подъезда Русского театра был повешен плакат с надписью: “Здесь обиличиваются на футуристов”. Обиличивала кассирша с позолоченным носом (“Южная мысль” 1914, 14 января).

Через день в газете “Одесские новости” появилось сообщение о том, что на лекции футуристов “будет дежурить усиленный наряд полиции”.

Одесские выступления Маяковского, Д. Бурлюка и вновь присоединившегося к ним В. Каменского привлекли многочисленную аудиторию: “Уже давно вестибюль Русского театра не видал такого оживления, какое там царит со дня приезда футуристов. Здесь можно встретить представителей всех слоев общества: тут и приказчик, и офицер, и чиновник, особенно

“Южная почта”, Керчь, 15 января; “Петербургская газета”, 18 января.

²² “Одесский листок” 1914, 8 февраля; см. также “Одесские новости” 1914, 9 февраля. Поэзо-концерт Северянина в Одессе состоялся 7 февраля 1914 г. (“Южная мысль”, Одесса 1914, 2 февраля).

мелькают студенческие фуражки” (“Одесский листок” 1914, 16 января).

О первом вечере, состоявшем 16 января в Русском театре, вспоминал Василий Каменский: “... Едва я коснулся литературной богадельни седых творцов, кумиров и жрецов, как в партере зашикали, загалтели, и на галерке захлопали. Замечательно, что каждый город защищает какого-нибудь одного из писателей, которого никак трогать нельзя. В Одессе таким оказался Леонид Андреев... Я было ‘tronул’ Андреева за убийственный пессимизм, но меня затюкали. С таким же ‘успехом’ выступил и Маяковский, остроумно ‘наподдевавший’ малокровных символистов... Коньком Маяковского явился Бальмонт...”²³

К столу, за которым сидели поэты, был привязан зеленый воздушный шар.

Маяковский, выступавший в розовом смокинге, прочел “О, рассмейтесь, смехачи!” Хлебникова и ряд своих стихотворений: “Из улицы в улицу”, “А вы могли бы?”, “Несколько слов обо мне самом”, “Ничего не понимают”, “Адище города” и др. Кроме того, он читал вещи Северянина (“Шампанский полонез”, “Это было у моря” и др.), пародируя северянинскую манеру монотонного распевания стихов.²⁴

Любопытно, что на одном из вечеров кубо-футуристов Маяковский заявил, что поэзы Игоря Северянина “надо петь, как шансонетки”. Маяковский продолжал читать с эстрады вещи Северянина и после конфликта с ним, так как считал его “стихи-шансонетки” типичными для “поэзии города” (“Саратовский вестник” 1914, 21 марта).

Вместе с кубо-футуристами в одесском театре выступил критик П. Пильский, с которым В. Каменский познакомился еще в 1908 г. В своем вступительном докладе (“Футуризм и футуристы”) Пильский попытался дать характеристику нового течения с “нефутуристической точки зрения” (“Одесские новости” 1914, 12 января). Местные газеты стали упрекать П. Пильского в принадлежности к футуризму. В ответ на эти

²³ В. Каменский, *Юность Маяковского*, Тифлис 1931, с. 40-41.

²⁴ “Одесские новости” 1914, 17 и 18 января. См. также заметку в газ. “Одесский листок”, где Маяковский назван “эффектным оратором, с темпераментом” (17 января).

обвинения П. Пильский поместил в газете “Одесские новости” письмо в редакцию (“Футурист ли я?”), где доказывал социальную обусловленность и закономерность футуристических экспериментов в искусстве:

Я не футурист. Но если бы меня спросили: верю ли я в достижения этого нового... и теперь уже неотвратимого движения, я сказал бы... да, верю! Верю и буду верить... в искания ритмов, новых рифм,... в дерзкое новаторство... Мир движется... революционизмом. В основе футуризма, в самом методе таится глубоко заложенная правда — необходимость, предвестие, пророчество... Бурлюк, Маяковский, Крученых или Гуро оспоримы. Но то, чему они служат, — бесспорно. Сейчас растет уже не только число их, но и их серьезность, их вдумчивость... Победа будет одержана (“Одесские новости” 1914, 25 января).

19 января в Одессе состоялся второй вечер кубофутуристов (в Русском театре). Каждый из участников произносил стихи на фоне ширмы-панно, разрисованной им самим (“Одесские новости” 1914, 19 января). После выступления в Русском театре Д. Бурлюк “экспромтом” выступил в Литературно-артистическом кружке, где прочел свое стихотворение “Незаконнорожденные”. Построенное на сниженных образах и вульгарной лексике, оно вызвало бурный отклик у аудитории (“Одесские новости” 1914, 20 января).

21 января кубофутуристы приехали в Кишинев, где “в течение дня служили предметом внимания публики на главной улице”. Вечером Маяковский, Д. Бурлюк и В. Каменский выступили с докладами и чтением стихов в Театре благородного собрания. Вступительное слово в защиту футуристов снова произнес П. Пильский.

По сообщению одной из местных газет, П. Пильский говорил “дельно, убедительно”, а выступлению Маяковского дана восторженная оценка: “яркий, внушительный мастер слова”, которого проводили “апплодисменты гулкие, долгие, яростные” (“Бессарабская жизнь”, Кишинев 1914, 22, 24, 25 января).

Следующее выступление состоялось 24 января в Николаеве, в театре Шеффера (“Николаевская газета” 1914, 24 и 26 января): “В день футуристического вечера все билеты были заранее распроданы. Публика большими массами ходила за футуристами, и немало трудов стоило полицейской власти разогнать толпу... Во время вечера наряд полиции дежурил в

театре, не допуская скандала” (“Свет”, Николаев 1914, 30 января).

В литературной автобиографии Маяковского отмечено, что в Николаеве кубо-футуристам было предложено “не касаться ни начальства, ни Пушкина”.

Среди многочисленных газетных откликов о докладах Маяковского в провинции наиболее точное изложение его речи мы находим в статье сотрудника Николаевской “Трудовой газеты” В. Нежданова, личного друга Д. Бурлюка, которого он назвал “одним из интереснейших и образованнейших людей в сфере искусства” (“Трудовая газета”, Николаев 1914, 26 января). Здесь переданы не только основные мысли Маяковского, агитатора за новое урбанистическое искусство, но и стилистические особенности его речи, богатой поэтическими гиперболами и эпитетами:

Мы... хотим дать теоретическое обоснование футуризма. Те, кто полагает, что им придется участвовать в скандале и работать руками, должны разочароваться: им придется работать мозгами... Поэзия футуризма — это поэзия города, современного города. Город обогатил наши переживания и впечатления новыми городскими элементами, которых не знали поэты прошлого. Весь современный культурный мир обращается в огромный исполинский город. Город заменяет природу и стихию. Город сам становится стихией, в недрах которой рождается новый городской человек. Телефоны, аэропланы, экспрессы, лифты, ротационные машины, тротуары, фабричные трубы, каменные громады домов, копоть и дым — вот элементы красоты в новой городской природе. Электрический фонарь мы чаще видим, чем старую романтическую луну. Мы, горожане, не знаем лесов, полей, цветов — нам знакомы туннели улиц с их движениями, шумом, грохотом, мельканием, вечным круговоротением. А самое главное, — изменился ритм жизни. Все стало молниеносно, быстро, как на ленте кинематографа. Плавные, спокойные, неспешащие ритмы старой поэзии не соответствуют психике современного горожанина. Лихорадочность — вот что символизирует темп современности. В городе нет плавных, размеренных, округлых линий. Углы, изломы, зигзаги — вот что характеризует картину города. Поэзия... должна соответствовать новым элементам психики современного города. Кроме того, футуристы утверждают самодовлеющее значение слова в поэзии. Слово не должно описывать, оно должно выражать само по себе. Слово имеет свой аромат, цвет, душу, слово — организм живой, а не только значок для определения какого-нибудь понятия. Слово способно к бесконечной каденции,

как музыкальная гамма.

25 января В. Каменский писал приятельнице своей и Маяковского — В. Ф. Шехтель: “Приветствую Вас из Николаева. Приехали из Одессы. Едем в Киев. И в Москву. Гастроли и успех надоели. Надо успокоиться. В комнате, где пишу, Маяковский рисует какого-то кретина. Хочется в Москву... хочется пойти к Щукину...”²⁵

26 января поэты приехали в Киев, где в тот же вечер, в эпатажном гриме, посетили театр оперетты (“Вечерняя газета”, Киев 1914, 27 января).

Первое выступление в Киеве состоялось 28 января (во Втором городском театре). Три поэта выступали на фоне ярких футуристических декораций, а над эстрадой показывалось повешенное к потолку пианино (“Последние новости”, Киев 1914, 29 января; “Киев” 1914, 30 января). Маяковский выступал в красной кофте.

Желтой прессе Киева принадлежат едва ли не самые развязные отзывы о выступлениях кубо-футуристов. Достаточно привести отрывок из отчета, где Маяковскому, Д. Бурлюку и В. Каменскому дана такая характеристика: “У футуристов лица самых обыкновенных вырожденцев... И костюмы футуристов, — все эти красные пиджаки, — украдены у фокусников... И клейма на лицах заимствованы у типов уголовных”.²⁶

На следующий день в киевских газетах появился анонс о второй и “последней стихобойне футуристов”, с лаконичными автохарактеристиками поэтов — строками из их стихотворений: “В. Каменский. Я! Танго с коровами. Вл. Маяковский. Я! На флейтах водосточных труб. Д. Бурлюк. Я! Доитель изну-

²⁵ Письмо находится в моем паспоряжении.

²⁶ “Киевская мысль” 1914, 29 и 30 января; “Киевлянин”, 30 января. В тот же день в зале Киевского Коммерческого собрания критик А. Закржевский прочел сочувственную лекцию “О футуризме”, большая часть которой была посвящена эго-футуристам (“Киевлянин” 1914, 30 января). Свой первый доклад о футуризме А. Закржевский прочел 17 декабря 1913 г. в Московском Литературно-художественном кружке. См. его книгу *Рыцари безумия (футуристы)*, Киев 1914.

ренных жаб".²⁷

"Стихобойня" состоялась 31 января, но, по сообщению газет, успеха не имела: "публики было очень мало".

30 января Д. Бурлюк писал Н. Кульбину (в Петербург): "... После 9 декабря не был в Москве... — теперь еду в Москву издавать I-й № журнала — жду от вас материал" (О. р. Русского музея).

Издание "Первого журнала русских футуристов" было задумано Д. Бурлюком в начале того же 1914 г.²⁸ Предполагалось, что журнал станет органом объединенных группировок русского футуризма.

В беседе с сотрудником "Одесских новостей", состоявшейся в день приезда кубо-футуристов в Одессу (15 января), В. Каменский кратко охарактеризовал установку редакции: "... новый журнал будет первой попыткой создать анархическую редакцию. Помещать, что угодно,... может любой правоверный футурист. Авторы статьи или поэмы, напечатанной в данном номере, в том же номере может в любых выражениях 'обложить' другой автор".

3 февраля Д. Бурлюк, Маяковский и В. Каменский вернулись в Москву.²⁹ На следующий день Д. Бурлюк писал М. В. Матюшину, приславшему ему статью для "Первого журнала русских футуристов":³⁰ "... Благодарю вас за статью — она получена и сегодня будет сдана в типографию. Я приехал лишь вчера. 13-го буду снова здесь".³¹

²⁷ "Последние новости", Киев 1914, 1 и 2 февраля. Через три недели после выступления "трех", 22 февраля в Киеве состоялось выступление А. Крученых и Н. Кульбина, посвященное "новым формам искусства": первый прочел доклад "О будетлянах", второй — лекцию "Грядущий день и искусство будущего" ("Киевлянин" 1914, 21. 22. 25 февраля, 2 марта).

²⁸ См. заметку "Журнал футуристов" в газ. "Руль" 1914, 20 января и заметку "Футурист о себе" в газ. "Одесские новости" 1914, 16 января.

²⁹ В начале февраля Д. Бурлюк и Маяковский предполагали выступить в Екатеринославе, где 3 февраля состоялся поэзо-концерт Игоря Северянина. Однако местной администрацией вечер кубо-футуристов не был разрешен ("Южная заря", Екатеринослав 1914, 5 февраля; "Голос юга", Елисаветград 1914, 7 февраля).

³⁰ Имеется в виду статья М. Матюшина "Футуризм в Петербурге", напечатанная в "Первом журнале русских футуристов".

³¹ Копия письма Д. Бурлюка была мне предоставлена М. Матюшиным.

На 13 февраля была объявлена последняя (четвертая) лекция главы итальянского футуризма.

* * *

Целью приезда Маринетти в Москву было установление дружественной связи с русскими футуристическими группировками.

Социологический анализ русского футуризма был затруднен некритическим смешением принципиально различных явлений: русского кубо-футуризма и итальянского футуризма. Социально-экономические основы возникновения итальянского футуризма с его воинствующей империалистической программой и прославлением технического прогресса могут быть определены совершенно точно. Итальянский футуризм сформировался как идеология технической интелигенции, прымывавшей к крупной финансовой и промышленной буржуазии. Политической программой этих социальных слоев было возрождение Италии в качестве империалистической державы.

Эстетическим кодексом их было создание достойного этой страны нового искусства, свободного от классических традиций и наиболее интенсивно выражавшего ощущение современности. Именно этими установками объясняется яростный пафос манифестов Маринетти, бичевавшего Италию музеев и туристов и противопоставившего ей новую концепцию государственности, в которой легко различимы эмбрионы фашизма.

Достаточно привести несколько выдержек из Программы футуристической политики, опубликованной Маринетти в октябре 1913 г.:

Италия — верховная властительница. Слово Италия должно преобладать над словом свобода.

... Более могущественный флот и более могущественная армия; народ... для войны, единственной гигиены мира и величия Италии, интенсивно земледельческой, промышленной и торговой.

... Циническая, макиавелевская и агрессивная внешняя политика. Колониальное распространение. Свобода торговли.

... Антисоциализм.

Насильственная модернизация пассивистических городов (Рим,

Венеция, Флоренция и проч.).

Начиная с 1910 г. Маринетти был активнейшим пропагандистом идей итальянской экспансии. Он выступал с политическими докладами в Париже и Лондоне, призывая к борьбе с пангерманизмом, а накануне первой мировой войны совершил “агитационную” поездку в Россию.

Первые сведения об итальянском футуризме проникли в русскую печать уже в 1909 г.,³² а в ноябре 1911 г. Игорь Северянин объявил себя основателем нового поэтического течения — эго-футуризма.³³ В 1912 г. группа поэтов-новаоров, возглавлявшаяся Велимиром Хлебниковым, в отличие от эгофутуристов называла себя литературной компанией футуристов (в широкой прессе за ними укрепилось название кубофутуристов из-за тесной связи с живописцами-кубистами).

С самого начала своей деятельности кубо-футуристы в многочисленных устных и печатных высказываниях настойчиво подчеркивали самостоятельность возникновения русского футуризма.³⁴

В полемических целях ими была выдвинута фактическая дата издания первого сборника русских “будетян”, “Садок судей”, вышедшего в апреле 1910 г. Так, например, в листовке “Пощечина общественному вкусу” (1913), Д. Бурлюк писал: “В 1908 г. вышел “Садок судей”. В нем гений — великий поэт современности Велимир Хлебников впервые выступил в печати”.

Фиктивную дату издания сборника “Садок судей” Д. Бурлюк приурочил ко времени литературного дебюта Хлебникова. Экспериментальная словотворческая вещь Хлебникова

³² Первый футуристический манифест Маринетти, опубликованный 20 февраля 1909 г., 8 марта того же года был помещен в петербургской газете “Вечер”.

³³ См. сб. Северянина *Пролог. Эго-футуризм* (СПб. 1911). Первый эгофутуристический манифест, написанный И. Северянином и К. Олимповым вышел в январе 1912 г.: листовка “Скрижали Академии эго-поэзии (вселенский футуризм)”. См. также статью Казанского (Ивана Игнатьева) “Первый год эго-футуризма” в альманахе “Орлы над пропастью” (СПб. 1912).

³⁴ В листовке “Доктрины интуитивной школы Вселенский эго-футуризм”, изданной в сентябре 1912 г., Игорь Северянин писал: “Эго-футуризм не имеет ничего общего с футуризмом итало-французским...”.

“Искушение грешника”, типичная для его ранних новаторских тенденций, была напечатана на четыре месяца раньше, чем первый футуристический манифест Маринетти (журнал “Весна”, СПб. 1908 № 9, октябрь).

Незадолго до приезда Маринетти, 11 ноября 1913 г., Маяковский прочел в Москве доклад “Достижения футуризма”, где в резкой форме отстаивал полную автономию русского футуризма.³⁵

Привожу тезисы доклада Маяковского, отрицательно характеризующие иллюзионистскую систему итальянских футуристов и их агрессивные меры воздействия:

Литературный параллелизм. Запад и мы.
Маринетти. Толстый роман. Звукоподражание.
Самостоятельность русского футуризма.
Люди кулака, драки. Наше презрение к ним.³⁶

Тезис “Толстый роман. Звукоподражание” направлен против прокламированной Маринетти теории “беспроволочного воображения” и “слов на свободе” (март 1913). Практическим осуществлением этой теории является основанная на звукоподражаниях репортажная поэма Маринетти *Zang-tum-tumb (Assedio di Adrianopoli. Parole in libertà)* (Milano 1914).

Об этом выступлении Маяковского сообщил Маринетти его знакомец, московский литератор М. Осоргин, находившийся в Риме. В ответном письме к М. Осоргину Маринетти снова пытался хронологически обосновать преемственность русского футуризма от итальянского:

Не может быть спора, что слово футуризм (футуристы, футуристский) появилось в России после того, как был напечатан в “Figaro” мой первый манифест, переведенный важнейшими газетами всего мира и, конечно, газетами и журналами русскими... Столь же бесспорно, что футуристская теория, созданная мною и моими итальянскими друзьями, с громадной быстротой

³⁵ См. отчет о докладе в газ. “Русские ведомости” (1913, 12 ноября), где указано, что Маяковский “оскорбился за российский футуризм, которому приписывается подражание Маринетти”.

³⁶ Ср. в декларативной статье А. Крученых “Новые пути слова”: “... В искусстве может быть несоглас (диссонанс), но не должно быть грубости, цинизма и нахальства (что проповедуют итальянские футуристы), ибо нельзя войну и драку смешивать с творчеством” (сб. “Тroe”, СПб. 1913,

распространилась в России благодаря литературному успеху моей книги "Le futurisme", которая, как мне только что сообщил мой издаватель, Sansot, расходится в России больше, чем во всех других частях мира...³⁷

Характерно, что идеи Marinetti и итальянских футуристов не встретили сочувствия не только среди молодых русских новаторов, но и среди французских поэтов и художников-кубистов.

Французский кубизм возник в среде деклассированной богемы, в значительной своей части состоявшей из представителей разных национальностей, богемы — анархически непримиримой и демонстративно превозносившей аполитизм как основу своей идеологии.

Основным принципом кубизма было утверждение автономности искусства от других рядов культуры. Кубисты провозгласили право художника и поэта на изобретательство, на построение художественного произведения как замкнутого в себе индивидуального мира: "... Пусть картина не копирует ничего, пусть она только утверждает себя, — писали живописцы Глэз и Меценжэ в своей теоретической работе "О кубизме". — Признаемся, однако, что некоторое напоминание существующих форм не должно быть изгнано окончательно, по крайней мере в настоящее время. Нельзя же сразу возносить искусство до полного исчезновения конкретности".³⁸

Эти тенденции перешли от живописи и на поэзию французских новаторов — Аполлинера, Жакоба, Сандрара, Реверди, Кокто и др., которых принято называть поэтами-кубистами.

Футуризм в русской поэзии также развивался параллельно росту живописного кубизма.³⁹

Лозунг автономности художественного творчества и враждебное отношение к академическим традициям в равной

сентябрь).

³⁷ "Русские ведомости" 1913, 31 декабря. С М. Осоргиным Marinetti познакомился на Балканах (во время Балканской войны).

³⁸ А. Глэз-Ж. Меценжэ, *О кубизме*. Пер. Е. Низен под ред. М. Матюшина. СПб. 1913, с. 14.

³⁹ См. мою работу "Маяковский и живопись" в кн. *Поэтическая культура Маяковского*, М. 1970, с. 9-49.

степени свойственны как французским кубистам (живописцам и поэтам), так и русским кубо-футуристам.

Близость идеологических установок французского кубизма и русского кубо-футуризма можно объяснить только общностью социальной основы этих течений.

* * *

Лидер итальянских футуристов был приглашен в Москву одним из русских делегатов общества “Les grandes conférences” — Генрихом Тастевеном (бывшим сотрудником журнала “Золотое руно”).

В июне 1913 г. он встретился с Маринетти в Париже. О встречах с лидером итальянских футуристов Тастевен писал своему другу, писателю-символисту Георгию Чулкову:⁴⁰

Я очень близко познакомился со многими писателями, между прочим, с Маринетти, который оказался чрезвычайно милым и очаровательно легкомысленным итальянцем. Я проектирую ряд лекций о новой литературе, причем лекции будут прочтены рядом французских писателей и художников (Поль Фор,⁴¹ Нан Рунер, Мерсегеау). О живописи, может быть, прочтет Пикассо, с которым хочу списаться (он сейчас живет в Пиренеях).

В письме к Г. Чулкову от 14 сентября 1913 г. Тастевен, снова совершивший поездку в Париж, сообщает, что он “заручился согласием” двух писателей — Лорана Тайада и Маринетти.

Чтобы подготовить московскую аудиторию к восприятию идей Маринетти, Г. Тастевен 13 декабря 1913 г. прочел в “Художественном салоне” лекцию “Футуризм, как эстетика и мироотношение” (“Раннее утро” 1913, 14 декабря). В конце января 1914 г. эта лекция вышла отдельным изданием: “Футуризм (на пути к новому символизму)”.

Наиболее подробные сведения о поездке Маринетти в Россию даны в письме Г. Тастевена к Г. Чулкову, относящемся,

⁴⁰ Письма Г. Тастевена (1881-1915) к Г. Чулкову хранятся в о. р. ГБЛ. См. также Г. Чулков, *Годы странствий*, М. 1930, с. 182-193.

⁴¹ Лекции “короля поэтов” Поля Фора в России состоялись: 12 марта 1914 г. — в Москве и 17 марта — в Петербурге.

по всей вероятности, к концу 1913 г.: "... только что получил телеграммы из Милана от Маринетти, ... он предлагает мне устроить его лекцию в Москве в конце января от имени общества "Les grandes conférences". Поэтому я полагаю, что после Москвы лучше бы устроить лекцию Маринетти в Петербурге... Нельзя ли было бы устроить диспут в какой-нибудь большой аудитории, так, чтобы Маринетти получил 300 рублей, а остальные деньги поделить между участниками диспута?... Тогда можно было бы пригласить Маринетти к нам, в "Бродячую собаку".

* * *

Маринетти "задержался на два дня в Милане" и 24 января (как было анонсировано) в Москву не приехал ("Маринетти и футуризм", "Руль" 1914, 27 января).

Лидер левого крыла московских художников Михаил Ларионов воспользовался газетными анонсами для остроумнейшей мистификации. 24 января Ларионов дал сведения о приезде Маринетти сотруднику газеты "Голос Москвы" В. Маку. На следующий день в газете появилась заметка "Праздник футуристов". По сообщению Мака (т. е. Ларионова), "... с приездом Маринетти произошел курьез. Вместо того, чтобы попасть к футуристам, он очутился в компании людей, ничего общего с футуризмом не имеющих... Любопытно, что московские профессиональные футуристы отнеслись к приезду Маринетти очень холодно. Они заявляют, что не ждут от него ничего нового, что все, что он скажет, им давно уже известно, ... и что ему следовало бы явиться, по крайне мере, двумя годами раньше".

Доверчивый журналист был исключен из числа сотрудников газеты ("Русское слово" 1914, 25 января), а мистификация Ларионова оказалась чрезвычайно правдоподобной.

Маринетти приехал в Москву 26 января 1914 г. Его приезд совпал с пятилетием со дня выхода первого футуристического манифеста ("Голос Москвы" 1914, 26 января).

Главные представители московского кубо-футуризма отсутствовали: Маяковский, Д. Бурлюк и В. Каменский совершили свое турне, а Хлебников и А. Крученых находились в Петербурге. Разумеется, ни Ларионов, ни его соратники на

перрон Александровского вокзала не явились.

Лидера итальянских футуристов встретили делегаты общества “Les grandes conférences” Г. Тастевен и А. Н. Толстой (неожиданно явивший себя апологетом футуризма),⁴² а также два поэта-футуриста, бывшие участники “умеренной” группы “Мезонин поэзии”, К. Большаков и Вадим Шершеневич, в то время блокировавшиеся с кубо-футуристами. Принявших участие в церемонии “встречи” было не больше сорока человек. Весьма саркастическое описание встречи “пророка новой эпохи” помещено в “Московской газете”: “Встретили Маринетти не авантажно... Футуристов на вокзале находилось не больше, чем приведенных к Бонапарту московских бояр”.

После кратких приветственных речей, произнесенных Г. Тастевеном и В. Шершеневичем, который вручил гостю свой перевод сборника итальянских футуристических манифестов, Маринетти сказал:⁴³

Я рад приехать в Россию. О России совершенно превратное представление. Я думал попасть в страну снегов, но теперь вижу, что

⁴² “Раннее утро” 1914, 27 и 28 января; “Русское слово” и “Новь” 28 января. — 10 февраля 1914 г. в “Московской газете” были напечатаны следующие высказывания А. Толстого о футуризме: “В футуризме я вижу чувствование жизни, ощущение радости бытия, поэтому за футуризмом я считаю огромную будущность. Истинные элементы футуризма я нахожу ясно выраженными в творчестве Маринетти, которое меня интересует. Футуризм — искусство будущего. Я провел два вечера в беседе с Маринетти и нахожу, что выступление его в России сейчас своевременно, именно теперь, когда господствуют идеи застоя и пессимизма, когда мрак идеализации старины застилает нам радости непосредственного бытия. Ощущение бытия выражается в движении, а не застое. Я за истинное движение, а не призрачное, как у нас, — за оживление не только духа, но и тела. Я прошел уже школу пессимизма, вижу в будущем торжество начал жизни и в этом смысле я — футурист”.

⁴³ “Московская газета” 1914, 27 января. К приезду лидера итальянских футуристов, кроме книги Г. Тастевена *Футуризм (на пути к новому символизму)*, была издана книга Маринетти *Футуризм* (СПб.), в мало-удовлетворительном переводе М. Энгельгардта. Любопытно, что эта книга была переведена на русский язык “по настоящию” Леонида Андреева (“Раннее утро” 1914, 2 марта). См. также сборник *Манифести итальянского футуризма* (перевод В. Шершеневича), М. 1914. См. заметку В. Ъ. (В. Шершеневича) в газ. “Новь” (1914, 5 апреля). Впоследствии в переводе В. Шершеневича были изданы две книги Маринетти: *Битва в Триполи* (два издания — 1915, 1916) и *Футурист Мафарка* (1916). В. Шершеневич понимал футуризм как пересадку на русскую почву теорий Маринетти.

это вулкан под легким слоем пепла, готовый вспыхнуть... Условия развития футуризма в России благодарнее... Здесь нет давящего гнета пассеизма, с которым мы горячо и энергично боремся ("Руль" 1914, 27 января).

В беседе с сотрудником "Московской газеты", состоявшейся в день приезда, Маринетти заявил:

Я недостаточно знаком с русским футуризмом... Не знаю оснований, на которых он существует. Не посвящен в детали его развития. Но я счел себя обязанным приехать и войти в общение с русскими футуристами. Каждый пункт на земном шаре, где вспыхивает футуристическое движение — крайне важный для меня симптом. Значит брошенные мною идеи жизненны, значит им предстоит расти и развиваться. В частности, московский футуризм имеет для меня особенное значение. Здесь он проявляется чрезвычайно интенсивно, выливается в острых формах... Что касается до групп и кружков, на которые разбились московские и вообще русские футуристы, то это обычный для молодого движения признак.

Однако, все попытки Маринетти установить контакт с московским футуризмом оказались безуспешными.

* * *

Еще накануне приезда Маринетти Ларионов обвинил его в измене принципам футуризма, "не знающего никаких определенных рамок, не носящего никакого сектантского характера". Вместо "торжественной встречи" Ларионов предлагал устроить обструкцию: "На лекцию явится всякий, кому дорог футуризм, как вечное движение вперед, и мы забросаем этого ренегата тухлыми яйцами, обольем кислым молоком. Пусть знает, что Россия не Италия, она умеет мстить изменниками" ("Вечерние известия" 1914, 24 января).

Свой агрессивный монолог Ларионов дополнил следующими высказываниями: "Маринетти — футурист уже не первой свежести... Я лично не предполагаю забрасывать Маринетти тухлыми яйцами, не предполагаю и подносить ему букетов. В него уже достаточно бросали яйцами. Но если другие сделают это, то будет нормально" ("Раннее утро" 1914, 25 января).

Эти выпады, в которых было "фигурально выражено идеи-

ное отношение” Ларионова к Маринетти, вызвали протест со стороны одного из “встречавших”, В. Шершеневича: он обвинил художника в “явном цекультурстве”. Кроме Шершеневича против устроителя выставок “Ослиный хвост” и “Мишень” неожиданно выступил его бывший соратник Казимир Малевич, заявивший, что “группа русских художников-футуристов с лучистом Ларионовым ничего общего не имеет и ограждает себя от такой главы”.⁴⁴

Ларионов немедленно откликнулся (“Новь” 1914, 29 января; см. также в “Московской газете” 1914, 27 января). Но, метко разоблачая псевдоноваторство Шершеневича, он с чисто полемическим пристрастием охарактеризовал Малевича, как художника, находящегося вне магистрали нового русского искусства:

… искренне думаю, что Маринетти от настоящих современных футуристов заслуживает тухлых яиц и что ему аплодируют только русские филистеры… Замечательно, что те, кто его выписали, встречали и теперь пишут письма в его защиту, даже не являются футуристами в том понимании футуризма, какое проповедует Маринетти. Свидетельство тому — декадентски сентиментальные стихи Шершеневича и книжка Тастевена, где футуризм трактуется, как новый символизм.⁴⁵

В ответ на отмежевывающегося Малевича могу сказать, что я никогда и не был с ним соединен общностью художественных взглядов и удивляюсь, что и он причисляет себя к футуристам.

Свои выступления в печати, направленные против Маринетти, Ларионов закончил следующим письмом, где сфор-

⁴⁴ См. их письма в ред. газ. “Новь” (1914, 26, 28 и 30 января). В неизданных воспоминаниях Шершеневича, самовлюбленно озаглавленных *Великолепный очевидец* (1934), о Маринетти и русских кубо-футуристах даны полуфантастические сведения.

⁴⁵ См. письмо Г. Тастевена в редакцию газеты “Новь” (8 Февраля): “... считаю необходимым во избежание дальнейших инсинуаций заявить определенно, что приезд Маринетти в Россию был решен во время моего последнего свидания с ним в Париже, где я передал ему приглашение от имени общества “Les grandes conférences”. Что же касается моего отношения к футуризму, то я считаю нужным еще раз подтвердить то, что я неоднократно высказывал в печати. Признавая огромное значение за морально-культурной позицией футуризма, я в области эстетики слишком расхожусь с ним, чтобы иметь основание и право причислить себя к сторонникам этого течения”.

мулировал свой взгляд на “футуризм” Маринетти и “сочувствующих”: “В ответ на все направленные против меня письма, заявления и упреки заявляю совершенно определенно: г-н Маринетти, проповедующий старую дребедень — банален и пошел; годен только для средней аудитории и ограниченных последователей” (“Новь” 1914, 31 января).

* * *

Первая лекция Маринетти в Москве состоялась 27 января 1914 г. в большой аудитории Политехнического музея. Программа лекции “О футуризме” содержала в себе пять пунктов:

- 1) Происхождение футуристского движения.
- 2) Футуристская поэзия (*vers libre* и освобожденные слова).
- 3) Футуристская живопись и скульптура.
- 4) Футуристская музыка.
- 5) Искусство шумов.

Маринетти появился на эстраде, сопровождаемый Г. Тастевеном и А. Н. Толстым (“Раннее утро” 1914, 28 января). Тастевен представил гостя аудитории и прочел приветствие.

Многочисленная аудитория, неоднократно проявлявшая самое нетерпимое отношение к выступлениям Маяковского и его литературных соратников, устроила Маринетти овацию.

Успех Маринетти был весьма сочувственен отмечен художественным критиком Я. Тугендхольдом, неоднократно выступавшим против кубо-футуристов: “Пришел, увидел, победил. Вот общее впечатление вчерашнего первого выступления Маринетти. Но победил не сущностью своей речи, а своим южным темпераментом, своей ртутной подвижностью, своей латинской жизнерадостностью... Маринетти... верит в свое дело и чужд русской фракционности” (“Новь” 1914, 28 января).

Имея весьма туманное представление о взаимоотношениях русских новаторских группировок, Маринетти объяснил их разногласия расприями личного характера, препятствующими “идти сплоченно”.

Значительную часть своей лекции Маринетти посвятил главной проблеме итальянских художников-футуристов — “пластическому динанизму”. Между прочим, Маринетти яростно опровергал утверждение, что итальянские футуристы

займствовали идею пластического динамизма из кинематографа: “Мы стремимся изобразить предмет сразу во всех положениях, а не по моментам” (“Голос Москвы” 1914, 28 января).

Здесь, не называя имени русского художника, Маринетти полемизирует с выпадами Ларионова: “... Футуризм Маринетти в живописи — это смесь импрессионизма с кубизмом... Попытки футуристов зафиксировать на полотне движение гораздо раньше и совершеннее были достигнуты в кинематографе. Откуда Маринетти и футуристы его, выражаясь мягко, и позаимствовали” (“Московская газета” 1914, 27 января).

После лекции Маринетти прочел свое французское стихотворение — образец “футуристической корреспонденции с театра балканской войны”. Он декламировал с таким темпераментом, что внезапно “потерял голос”. Чтение было прервано. Маринетти покинул эстраду, сопровождаемый “длинными аплодисментами” (“Раннее утро” 1914, 28 января).

Подробная характеристика Маринетти-оратора дана корреспондентом газеты “Речь” (30 января): “У него очень большой талант оратора. Его красноречие не знает ни лиризма, ни иронии, — оно все обожжено или страстью любовью или столь же страстью... ненавистью... И, может быть, еще сильнее, чем слово, — его жест. Целый водоворот жестов...”.

28 января Маринетти осматривал достопримечательности Москвы (“Утро России” и “Новь” 1914, 29 января), посетил Кремль, где ему особенно понравилась древне-русская живопись (уже получившая восторженную оценку Матисса). Маринетти сказал, что, хотя он и футурист, но русская старина ему очень нравится.

Вечером состоялось его второе выступление, в малом зале Консерватории (“Голос Москвы” 1914, 29 января). Вторая лекция, так же прочитанная на французском языке, была посвящена преимущественно изложению принципов “освобожденного слова”. Затем Маринетти прочел “три отрывка”, демонстрирующие “слова на свободе”. Наибольший успех имело чтение “Train des soldats malades”. Характеризуя произведения свои и своих литературных соратников, Маринетти сказал: “У футуристов нет рифмы... Наш лиризм — это стремительность слова, сила выражения, в которых и мы умеем дать нюансы ‘полутонов’...”.

После чтения стихов Маринетти перешел к изложению идеологии итальянского футуризма и, в частности, к обоснованию тезиса “долой женщин”.

И на первом и на втором выступлениях Маринетти “воинствующие” московские футуристы отсутствовали (“Голос Москвы” 1914, 29 января).

В своем втором докладе Маринетти снова заявил, что приехал в Москву для общения с ними, а не для того, “чтобы давать им урок” (“Русское слово” 1914, 28 января).

По поводу предполагавшейся демонстрации московских “крайних левых” Маринетти заявил: “Я очень рад, что враждебный мне кружок русских футуристов не привел своего намерения в исполнение, но, с другой стороны, сожалею, что никто... не пожелал со мною поговорить. Я думаю, что мы сошлись бы в некоторых основных вопросах футуризма... Главное условие для удачной борьбы футуризма — это солидарность среди его сторонников...”.

Мною обнаружен черновик неопубликованного письма Н. Гончаровой к Маринетти (на французском языке), в котором она объявляет итальянский футуризм “новым академизмом романтического характера”.

Сохранилась и неопубликованная запись Ларионова с аналогичными, но гораздо более резкими выпадами: “Начатое Маринетти и его друзьями футуристическое движение считается теперь в среде самих итальянских футуристов ретроградным и академическим ввиду стремления Маринетти образовать тесную сплоченную группу для обязательного проведения в жизнь политической программы... Против него борются теперь Лучини и Буцци, два видных и очень талантливых футуриста, вначале его приверженцы”.

30 января в малом зале Консерватории состоялась третья лекция Маринетти, которая была анонсирована как “последняя”. Наиболее подробный и точный отчет о третьем выступлении помещен в газете “Русское слово” (31 января):

На этот раз вождь итальянского футуризма ограничился чтением стихотворений и довольно коротенькой речью, представлявшей своего рода подстрочные примечания к его первым двум.

... Маринетти, во-первых, прочел две футуристические поэмы на итальянском языке — “Гимн новой поэзии” Паоло Буцци и “Больной фонтан” Альдо Палаццески. Во-вторых, свой собственный “Беговой

автомобиль”, написанный свободным стихом, еще до периода “слов на свободе”.

В последовавшей за чтением речи Маринетти защищал футуризм от обвинений в том, что он создан исключительно pour éraiser les bourgeois.

— Конечно, — говорит Маринетти, — футуризм не может не пугать мещанство, но ведь мещанство вообще враждебно относится ко всему новому. В ответ на это враждебное отношение футуристы иногда ведут себя весьма дико, но вовсе не в этом сущность футуризма.

В заключение Маринетти благодарили так тепло его встретившую Москву, но оговорился, что он далеко не обольщает себя надеждами, будто бы ему удалось обратить Москву в футуристическую веру.

— Я знаю, — говорил Маринетти, — аплодисменты, раздававшиеся на моих лекциях, относились больше к словам, чем к идеям. Вам нравился оратор, а не идеолог...

В другом газетном отчете отмечено, что Маринетти снова обратился к русским футуристам “с призывом присоединиться к нему, забыть свои личные счеты во имя общей идеи футуризма, связывающей всех людей будущего” (“Раннее утро” 1914, 31 января).

На третьей лекции Маринетти присутствовал Михаил Ларионов и участники его группы (“Новь” 1914, 31 января; “Голос Москвы”, 1 февраля).

После лекции Маринетти посетил Литературно-художественный кружок, там же (в Обществе свободной эстетики) случайно оказался Ларионов. По просьбе Ларионова, их представили друг другу. Беседа началась “в крайне повышенном тоне”. Переводчик едва успевал переводить “горячие тирады” спорщиков. Но вскоре их столкновение приняло более мирный характер. Публика с большим интересом следила за словесным поединком футуристов.

На следующий день Маринетти уехал в Петербург.

Он предполагал по возвращении в Москву устроить собрание русских футуристов всех направлений, “с целью выяснения пунктов, в коих они расходятся с футуризмом итальянским, и выработки общей программы”.

1 февраля, сопровождаемый Г. Тастевеном, Marinetti приехал в столицу России, где был встречен Н. Кульбиным, принял активнейшее участие в устройстве его петербургских выступлений.

В 1909-1914 гг. Н. Кульбин читал лекции в Петербурге, в Москве и провинциальных городах, популяризируя западно-европейские художественные новации. Он был устроителем трех петербургских выставок нового искусства 1908-1910 гг. и инициатором литературно-художественного сборника "Студия импрессионистов" (1910). И в выставках, и в сборнике Н. Кульбина принимали участие не только модернисты, но и будущие кубо-футуристы. На этом роль Н. Кульбина, как лидера "молодых", кончается. После разрыва с ним молодые авангардисты Петербурга объединились в общество художников "Союз молодежи" (1910).

Весной 1913 г., благодаря сотрудничеству с представителем левого крыла кубо-футуризма Алексеем Крученых, Н. Кульбин как бы примкнул к группе кубо-футуристов. Совместно с Н. Кульбиным А. Крученых выпустил декларативную листовку "Слово как таковое" (1913). С помощью и при участии Н. Кульбина им же были изданы и два сборника: "Взорваль" (1913) и "Тэ ли лэ" (1914). Дружеские личные отношения связывали Н. Кульбина с Д. Бурлюком, и с В. Каменским.

Кроме Н. Кульбина, на вокзал для встречи с Marinetti явилось "много петербургских футуристов" (в газетных сообщениях их имена отсутствуют).

По всей вероятности, на перроне присутствовали А. Крученых, О. Розанова, Н. Бурлюк, М. Матюшин, Б. Лившиц, композитор А. Лурье, а также некоторые из участников уже распавшегося общества художников "Союз молодежи" и уже прекратившей свое существование поэтической группировки эго-футуристов ("Биржевые ведомости", веч. вып., 1914, 31 января и 1 февраля).

* * *

Солидарность некоторых кубо-футуристов с Н. Кульбиным едва не привела к разрыву Хлебникова с его литературными соратниками.

К приезду "гостя" вождь "будетян" издал листовку, в

которой резко отмежевался от итальянского футуризма и прокламировал самостоятельность и своеобразие нового русского искусства:

Сегодня иные туземцы и итальянский поселок на Неве из личных соображений припадают к ногам Маринетти, предавая первый шаг русского искусства по пути свободы и чести...

Люди воли остались в стороне. Они помнят закон гостеприимства, но лук их натянут, а чело гневается.

Чужеземец, помни страну, куда ты пришел!

Кружева холопства на баранах гостеприимства.

В своем памфлете Хлебников разоблачает “иных туземцев”, т. е. Кульбина и его “гостеприимных” сторонников. Для заострения полемических выпадов Хлебников использовал образы “поэмы” Гоголя “Мертвые души”. Заключительная фраза листовки восходит к XI главе поэмы, где повествуется о таможенной деятельности Чичикова, способствовавшего контрабандному провозу кружев из-за границы: “... читатель, без всякого сомнения, слышал так часто повторяемую историю об остроумном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев”.

Листовка Хлевникова была подписана и Б. Лившицем: совместное выступление вождя “будетлян” с “западником” и пропагандистом французской поэтической культуры! Этот чрезвычайно странный союз объясняется главным образом отсутствием принципиальной позиции у Б. Лившица, случайного “попутчика” кубо-футуризма.

За месяц до приезда Маринетти, Б. Лившиц и другой “попутчик” и “западник”, композитор А. Лурье, подписали манифест художника Г. Якулова, который, кстати, не примыкал ни к одной из футуристических группировок.

В своем манифесте Г. Якулов противопоставлял “территориальному” искусству Западной Европы новое русское искусство, строящееся “на космических элементах”.

Не подлежит сомнению, что якуловский манифест “Мы и Запад”, изданный в Петербурге 1 января 1914 г., получил полное одобрение Хлебникова. Отсюда его контакт с Б. Лившицем и вторая подпись на листовке, направленной против Маринетти.

1 февраля многочисленная публика, преимущественно мо-

лодежь, заполнила большой концертный зал Калашниковской биржи, где состоялось выступление Маринетти. На вечере присутствовал Александр Блок.⁴⁶

Итальянский гость был очевидцем столкновения Хлебникова с Н. Кульбиным. Когда вождь “будетлян” раздавал публике свою листовку, Н. Кульбин безуспешно пытался оказать ему противодействие. Между ними произошло чрезвычайно резкое объяснение. Хлебников пришел в ярость и, вызвав Н. Кульбина на дуэль, демонстративно покинул зал (“Речь” и “День” 1914, 2 февраля; “Новь”, 12 февраля).

На следующий день Хлебников прочел в газете “Биржевые ведомости” (№ 13984) отчет о лекции Маринетти, с “большим внешним блеском” изложившего основные эстетические принципы футуризма. В виде иллюстрации к речи Маринетти прочел три стихотворения (два были посвящены эпизодам балканской войны), продемонстрировав “отличное звукоподражательное умение”.

В том же газетном отчете был полностью перепечатан и текст листовки Хлебникова со следующим издавательским “предисловием”: “Инцидентов, против ожидания, не было, кроме того, что два петербургских футуриста (из них один считается в своей среде чуть ли не “гением”) пустили по рукам (в печатном виде) следующую безвкусную и бездарную заметку”.

Газетный отчет вызвал вторую, еще более резкую отповедь Хлебникова. Сохранился черновик его письма, обращенного к “бездарному болтуну” Маринетти:

эта беседа (№ 13894) — монолог из Грибоедова (французик из Бордо).

Вы, приятель, опоздали приехать в Россию. Вам нужно было приехать в 1814 году. Сто лет ошибки в рождении человека будущего.

Бешеный бег жизни заключается не в том, чтобы французик из Бордо выскакивал каждое столетие.

Итак, прибегая к языку, к которому прибег наш рагин⁴⁷ Кульбин, вы подлец и негодяй. Так чувствует новейшего французика из Бордо Будетлянин. До свидания, овощь!

Я уверен, что некогда мы встретимся при пушечных выстрелах

⁴⁶ Западные книжки, М. 1965, с. 205.

⁴⁷ Рагин (сербск. райетин). Здесь — раб; рапа: христиане — подданные турецкого султана.

в поединке между итalo-германским союзом и славянами на берегах Далмации.⁴⁸

Успех Маринетти у столичных любителей западно-европейских “новинок” Хлебников с блистательным сарказмом уподобляет успеху грибоедовского “французика из Бордо” (монолог Чацкого, завершающий III действие комедии “Горе от ума”):

В той комнате незначащая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом, со слезами;
Приехал и нашел, что ласкам нет конца...
Своя провинция. Посмотришь вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком.

Шаржированный “портрет” Маринетти — “овоща” заставляет вспомнить гоголевские метафоры, выполняющие функцию сатирической оценки персонажей.

Так в союзе с Гоголем и Грибоедовым вождь русских “будетлян” бросил “вызов надменному Западу”.

Несмотря на то, что Маринетти энергично призывал к борьбе с пан-германизмом, Хлебников со своейственной ему исторической прозорливостью предсказал, что агрессивная политика приведет Италию к союзу с Германией, а затем к поражению.

* * *

Черновик письма к Маринетти завершается заявлением Хлебникова о разрыве с литературными соратниками: “С членами ‘Гилеи’, Бурлюк^{ами}, Маяк^{овским}, Лив^{шицем} я отныне не имею ничего общего”. Наличие в этом перечне имени Лившица свидетельствует о том, что его поведение Хлебников признал изменническим.

⁴⁸ Среди бумаг Хлебникова мною был обнаружен черновой отрывок еще одной его декларации, направленной против Маринетти. В этой записи есть многозначительное упоминание о “готических” усах (*à la* Вильгельм II) вождя итальянских футуристов.

Аналогичную запись Хлебников сделал на обложке каталога посмертной выставки Яна Ционглинского, открывшейся 1 февраля 1914 г.: “Заявляю, что я больше к так называемым футуристам не принадлежу. В. Хлебников”. Эта запись оказалась вклеенной в рукописный сборник К. Чуковского, впоследствии снабдившего ее следующим комментарием: “Чем был вызван его поступок, я до сих пор понять не могу”.⁴⁹ В этом нет ничего удивительного, так как отношение Хлебникова к К. Чуковскому совершенно исключало возможность их совместного посещения выставки Ционглинского. Кроме того в начале 1914 г. сборник “Чукоккала”, предшественником которого был литературно-художественный сборник “Десятилетие ресторана Вена” (СПб. 1914), еще “не родился”. Вообще комментарии к хлебниковским материалам в “Чукоккале” совершенно недостоверны.

По всей вероятности, Хлебников посетил выставку Ционглинского со своим другом Борисом Григорьевым 2 февраля 1914 г.

В августе-сентябре 1915 г., по просьбе составителя “Чукоккалы”, Б. Григорьев “обогатил” сборник рисунком, изображающим сидящего Хлебникова, а заодно и “загадочной” записью об отречении Хлебникова от футуристов. Этой записью К. Чуковский, несомненно, был весьма заинтересован. Если бы он получил каталог от самого Хлебникова, то антимаринеттианский “поступок” вождя будетлян был бы ему вполне понятен.

Отмечу еще одну неточность в сборнике “Чукоккала”. Портрет К. Чуковского, вопреки его предположению, безусловно, принадлежит не Б. Григорьеву, а Хлебникову, воспользовавшемуся своеобразно заостренным карандашем художника (“лопаткой”). Рисунок подписаны, и Хлебниковым же указана фамилия изображенного лица, т. е. К. Чуковского.

* * *

После скандального столкновения с Хлебниковым на вечере в Калашниковской бирже Н. Кульбин и его друзья чествовали

⁴⁹ Чукоккала, М. 1978, с. 128-133.

итальянского гостя в артистическом подвале “Бродячая собака” (“День” 1914, 3 февраля). 2 февраля у Кульбина состоялся “дружеский ужин”, где в числе гостей был и Бенедикт Лившиц, подписавший известную листовку Хлебникова. Через двадцать лет сам Лившиц счел нужным сознаться в своей “измене” вождю будетлян.⁵⁰

4 февраля в Калашниковской бирже состоялась вторая и последняя лекция Маринетти о футуристической живописи и скульптуре, о “пластическом динамизме”.⁵¹ За этим последовало чтение (искусное, хотя монотонное по приемам) поэмы “Train des soldats malades”, где, по уверению Маринетти, можно было прочувствовать не только грохот паравоза, стоны раненых, отзвуки сражения, но даже борьбу и победу микробов (дизентерийных), от которых умирали солдаты...

В заключение оратор снова обрушился с проклятиями на “слуг пассеизма” — историков, археологов, комментаторов и заявил себя горячим итальянским патриотом... Но ему дорога не нынешняя раса Италии, а будущая раса, полная оптимизма, мощная и свободная от традиции...

Из России Маринетти увозит убеждение о том, что у нас есть футуристы и есть почва для футуризма (“Речь” и “Биржевые ведомости”, веч. вып., 1914, 5 февраля).

Н. Кульбин принес в Калашниковскую биржу написанный им кубистический портрет Маринетти.

Однако, второе выступление Маринетти не имело такого успеха как первое и состоялось при “наполовину пустом зале” (“Биржевые ведомости”, веч. вып., 1914, 5 февраля).

На следующий день в московской газете “Новь” появилась декларация, подписанная группой кубо-футуристов:

Так как для нас было очевидным, что все писавшие о выступлениях футуриста от Италии в полном неумении, — где же ‘русские футуристы’, каково их отношение к ‘платформе’ г-на Маринетти..., мы... считаем... нашим долгом заявить, что еще... во II “Садке судей” нами было указано, что мы с итальянским футуризмом

⁵⁰ Б. Лившиц, *Полутораглазый стрелец*, Л. 1933, с. 221.

⁵¹ 4 февраля 1914 г. в газете “Биржевые ведомости” была помещена статья Маринетти “Эстетика футуризма”, будто бы специально написанная для данной газеты. Однако, как мне удалось установить, эта статья — монтаж, состоящий из двух манифестов Маринетти: “Рождение футуристской

ничего общего кроме клички не имеем,⁵² ибо в живописи Италия является страною, где плачевность положения — вне меры и сравнения с высоким напряженным пульсом русской художественной жизни последнего пятилетия. А в поэзии наши пути, пути молодой русской литературы, продиктованы исторически обособленным строем русского языка, развивающегося вне какой-либо зависимости от галльских русел. О подражательности нашей итальянцам (или же наоборот) не может быть и речи... Относительно 'темперамента' симпатии или антипатии к нашему гостю (Маринетти), то, конечно, полная свобода каждому по его склонности ('перонный букет' или же 'тухлые яйца')... Основная мысль этого письма была неоднократно подписана именами (смотрите "Садок судей" II): Бурлюк, В. Каменский, Маяковский, Матюшин, Крученых, Лившиц, Низен, Велимир Хлебников.

Авторами "группового письма" оказались двое из подписавших: Д. Бурлюк и В. Каменский (об этом позднее сообщил Маяковский).

Не подлежит сомнению, что московская декларация была написана после того, как Д. Бурлюк и В. Каменский ознакомились с текстом листовки Хлебникова и с сообщениями о его столкновением с Н. Кульбиным, самовольно объявившим себя "главой русских футуристов".

Находившиеся тогда в контакте с Н. Кульбиным Б. Лившиц, А. Крученых, Н. Бурлюк, М. Матюшин свое участие в составлении "оскорбительного для Маринетти письма" опровергли ("День" 1914, 13 февраля).

В Петербурге Маринетти задержался, чтобы ближе познакомиться с представителями русской литературы и футуристами. Он почти ежевечерно посещал "Бродячую собаку", где просиживал до утра, ведя беседы с петербургской "богемой" ("Новь" 1914, 12 февраля).

9 февраля Маринетти вернулся в Москву. Поэтому он не мог присутствовать на объявлении на 11 февраля выступлении кубо-футуристов "Наш ответ Маринетти", с декларативно-полемическими докладами Бенедикта Лившица и композитора Артура Лурье: "Итальянский и русский футуризм в

эстетики" и "Умноженный человек и царство машины".

⁵² В манифесте сборника "Садок судей II" высказывания об итальянском футуризме отсутствуют.

их взаимоотношении" и "Музыка итальянского футуризма".⁵³

По всей вероятности Б. Лившиц выступил с "ответом Маринетти" под воздействием Хлебникова, порицавшего своего случайного "соавтора" за неустойчивое поведение.

На вечере председательствовал (вместо оказавшегося быть председателем известного лингвиста И. Бодуэн де Куртене) Н. Кульбин.

Перешедший в наступление Б. Лившиц объявил Маринетти "презентистом, находящимся всецело во власти сегодняшнего дня", а его произведения — "бесформенным нагромождением аморфных слов, — вещами, лежащими за пределами искусства".

По газетному сообщению, "горячий призыв сбросить с себя ярмо Европы (европейское искусство архаично и нового искусства в Европе нет и не может быть, так как последнее строится на космических элементах) пришелся, по-видимому, по вкусу аудитории, которая наградила докладчика аплодисментами".

Председатель диспута Н. Кульбин дал отрицательную оценку "односторонним" и "производящим тягостное впечатление" докладам Б. Лившица и А. Лурье (подвергнувшего резкой критике "Art des bruits" итальянских футуристов). Причиной неудачного, по его мнению, "ответа Маринетти", Н. Кульбин считал отсутствие "дорогого гостя".

На диспуте присутствовали представители итальянской "колонии" Петербурга, которые и должны были сообщить Маринетти о полемических высказываниях докладчиков ("День" 1914, 13 февраля).

* * *

Вернувшись в Москву, Маринетти в тот же день посетил выставку произведений В. Серова. Маринетти не одобрил "формы исполнения", но признал Серова "большим худож-

⁵³ Тезисы доклада Б. Лившица: 1) Футуризм — канон и футуризм — регулятивный принцип. 2) Локальный характер итальянского футуризма. 3) Тяга на Восток. 4) Алкания Запада и наши достижения. Тезисы доклада А. Лурье: 1) "Art des bruits" итальянцев и их 15 "шумих". 2) Истинный "Art des bruits", музыка интерференции, высший хроматизм — хромоакустика.

ником". Наиболее высокую оценку получили поздние произведения Серова — "Похищение Европы" и декоративные мотивы, навеянные поездкой в Грецию и модернистической архаикой Бакста.

Вечером Маринетти посетил московский цирк, программу которого весьма одобрил. Он заявил, что считает цирк "предверием будущего театра" и наиболее интересным из существующих зреши.

Ночью, сопровождаемый московскими знакомыми, Маринетти отправился в знаменитую в то время "Комаровку", грязный подвал, переполненный пьяными "гостями".

— В Неаполе и Милане есть такие же притоны, — сказал Маринетти, — но там веселее...

Интересуясь жизнью московского "дна", он побывал и на Хитровом рынке ("Новь" 1914, 12 февраля).

12 февраля Маринетти осматривал галереи Щукина и Морозова. Тогда же он посетил выставку общества художников "Бубновый валет", где экспонировались произведения А. Лентулова, И. Машкова, Р. Фалька, П. Кончаловского, К. Малевича, А. Моргунова, А. Куприна, В. Рождественского, А. Мильмана, Н. Уdalьцовой, Л. Поповой, А. Экстер и др. Во второй половине февраля А. Лентулов писал своему другу Н. Кульбину: "... Маринетти в бытность свою в Москве (обратно из Петербурга) был у нас на выставке и отметил мои вещи, как некто самобытное..." (Архив Русского музея).

* * *

Возвращение Маринетти в Москву совпало с отъездом Маяковского и Д. Бурлюка в Минск. Маяковский приехал в Минск 8 февраля. В тот же день он посетил редакцию "Минской газеты — копейки", а вечером присутствовал в местном театре, "обратив на себя внимание оригинальным костюмом", рекламирующим предстоящее выступление ("Минская газета — копейка" 1914, 9 февраля).

Доклады Маяковского и Д. Бурлюка состоялись 11 февраля в зале Купеческого собрания. В. Каменский был болен и поэтому не выступал ("Минский голос" 1914, 12 февраля).

Минская пресса оказалась достаточно благожелательной к кубо-футуристам. Два сочувственных отзыва об их высту-

плении было помещено в одном номере газеты "Северо-западная жизнь" (1914, 13 февраля). Один из рецензентов писал:

Зал был переполнен любопытствующими. После третьего звонка на эстраде появились Маяковский и Бурлюк. Первый в красиво сшитой открытой ситцевой блузе, на черном фоне которой виднелись прекрасные розы. Второй в обыкновенной сюртучной паре, но зато щеки и лоб его были расписаны синей и красной красками... Первым говорил Маяковский, и, слушая его, нельзя было отказать ему в талантливости оратора и в логической последовательности развития мысли.

После чтения докладов Маяковский и Д. Бурлюк прочли ряд стихотворений своих, а также Хлебникова, В. Каменского, А. Крученых, Игоря Северянина, К. Большакова, Б. Лившица, В. Шершеневича.

Наибольшего внимания заслуживает статья "Революционеры", напечатанная в газете "Минский голос" (1914, 13 февраля). Автор этой статьи (Д. Бохан), обращаясь к историко-литературным аналогиям (выступление романтиков) пытался осмыслить тенденции и особенности русского кубофутуризма:

Я... хочу поделиться с читателями... своими впечатлениями. Они благоприятны для футуристов... Публика стала смеяться, когда В. Маяковский заявил, что он поэт нового направления и человек очень умный; но он был вправе сказать это, ибо он не только большой умница, но и, несомненно, очень талантливый человек. Его продолжительная речь-лекция, произнесенная с большим подъемом и чувством, произвела на публику ошарашающее действие: все было так ново, так оригинально, так любопытно... Я, как человек несколько подготовленный чтением к восприятию футуристической теории искусства, понял вместе с меньшинством зала, что это... настоящая революция в области как пластического искусства, так и поэзии.

Далее рецензент излагает речь Маяковского, провозгласившего автономию слова от внесловесных рядов, и заканчивает статью утверждением, что "будущее за футуристами".

На следующий день Маяковский и Д. Бурлюк вернулись в Москву и выступили в качестве оппонентов на диспуте "Общество и молодежь (искусство, пластика, музыка, танго,

театр, футуризм” в аудитории Политехнического музея.

Участвовавший в диспуте бульварный беллетрист Марк Криницкий сравнил футуризм с “деревенским хулиганством”. Ответ Маяковского был бессловесным. Одетый в желтую кофту, поэт молча положил на стол хлыст, а Д. Бурлюк назвал М. Криницкого “дикарем, пищущим рассказы по пятаку за строку” (“Русские ведомости”, “Русское слово”, “Раннее утро”, “Московские ведомости”, “Биржевые ведомости” — все №№ от 13 февраля 1914 г.).

Это вызвало грандиозный скандал. “Среди всеобщего смятения” председатель диспута объявил собрание закрытым.

* * *

13 февраля, в небольшой комнате Общества свободной эстетики состоялось последнее выступление Маринетти, в котором присутствовало 150 человек (“Московская газета” 1914, 17 февраля). Маринетти прочел доклад “О самых крайних исканиях футуризма в поэзии и живописи”. Подробное описание вечера дано в “Московской газете”:

Внешняя картина была такова: на стене два больших портрета — Байрона и Шекспира. Под Шекспиром стоял Бурлюк в сюртуке... и с лорнетом, лицо его было расписано черной тушью; на левой щеке изображение верблюда работы Сарьяна, а на правой — какие-то неведомые кабалистические знаки...

А под Байроном высилась фигура Маяковского в ярко-красном смокинге, с черными реверами...

Посредине между двумя московскими футуристами стоял и распинался за свои идеи Маринетти... , то и дело потирая платком свою типично итальянскую лысину. Крахмальный воротник его совсем вымок и превратился в вялую, помятую тряпку.

Поодаль от Маринетти стоял маленький Зданевич, автор известной декларации о том, что американский башмак прекраснее Венеры Милосской... Зданевич размазал чернилами свой стоячий воротник и нарисовал на нем какие-то буквы и иероглифы.

Среди присутствовавших: московские меценаты Носовы, Гиршманы, Манташев, художники Г. Якулов, М. Сарьян, С. Дымшиц-Толстая, второстепенные поэты-символисты С. Рубанович и С. Кречетов, “художественная” молодежь, а также “скучающие дамы, энглизированные эстеты из банкирских кантор и

снобы, снобы, снобы”.

После выступления Маринетти Илья Зданевич прочел на французском языке манифест, извещавший о том, что “группа московских футуристов расписывается в солидарности с Маринетти”. Маринетти пожал ему руку и заявил о своей солидарности с Ларионовым, Гончаровой и И. Зданевичем, которых признал “истинными футуристами” (“Русское слово” и “Русские ведомости” 1914, 14 февраля).

Илья Зданевич выступил в качестве представителя группы Ларионова, неожиданно изменившего свое первоначальное отношение к Маринетти (“Голос Москвы” 1914, 14 февраля). Однако церемония дружеского “рукопожатия”⁵⁴ вряд ли имела серьезное значение. Через день после отъезда Маринетти из России тот же И. Зданевич писал А. Шемшурину: “Во время последнего моего пребывания в Москве, весьма недолгого, пришлось познакомиться с Маринетти. Он очень симпатичен, но много болтает без толку. К тому же буржуазен и плохо разбирается в искусстве” (ГБЛ, о. р.).

Последнее выступление Маринетти в Москве было самым бурным. Воспользовавшись “моментами затишья”, Маринетти выступил с критикой русского футуризма. Он заявил о своем отрицательном отношении к русским поэтам-футуристам, которые, в отличие от итальянских новаторов, либо “пессимистичны”, либо “романтичны”, либо “археологичны” (“Русские ведомости” 1914, 14 февраля).

Первый выпад, вероятно, направлен против автора трагедии “Владимир Маяковский”, второй выпад — против московской эго-футуристической группировки “Мезонин поэзии” (К. Большаков, Хрисант, В. Шершеневич), третий выпад, несомненно, направлен против Велимира Хлебникова. Имея в виду Хлебникова и Крученых, Маринетти назвал русский кубофутуризм “соважизмом” (“Московская газета” 1914, 17 февраля).

Обвинение в “эстетическом атавизме” объясняется полным незнанием Маринетти с отношением Хлебникова к литературному времени: для Хлебникова характерно не

⁵⁴ Приветствуя Маринетти, Илья Зданевич сказал: “— Ваше присутствие поддержит нас в борьбе с этим стадом идиотов и дураков...” (“Русское слово” 1914, 14 февраля).

возвращение к прошлому, а самое неожиданное переплетение разновременных моментов. Полемические выпады Маринетти, по всей вероятности, основаны на поверхностной и тенденциозной информации случайного и неверного союзника кубофутуристов, В. Шершеневича. Это предположение вполне подтверждается рецензией В. Шершеневича на первый сборник стихов Маяковского (Я!), в которой Хлебников назван “воскресшим троглодитом”, а Крученых “истеричным дикарем”.

Руководители Общества свободной эстетики приняли меры к тому, чтобы Маяковский и Д. Бурлюк не могли участвовать в прениях.

Желающим полемизировать с Маринетти было предложено говорить только на французском языке, что совершенно противоречило предварительному сообщению о последней лекции Маринетти: “прения будут вестись с помощью переводчика” (“Новь” 1914, 6 февраля).

Маяковский и Д. Бурлюк заявили о необходимости соблюдать “равноправие языков”. Получив отказ, Маяковский сказал: “Требование вести диспут на французском языке — это публичное надевание намордника на русских футуристов! В Обществе свободной эстетики можно получать свободно только кушанья по карточке” (“Голос Москвы” и “Русские ведомости” 1914, 14 февраля).

Выпад Маяковского вызвал “громкие протесты” и председатель диспута (известный меценат Гиршман) поспешил объявить заседание закрытым. В этот момент кто-то заявил, что в соседнем зале “критикуют футуристов”. Маяковский и Д. Бурлюк перешли в большой зал Литературно-художественного кружка, где критик Сергей Глаголь (Голоушев) читал доклад “Новейшие течения современной живописи”. Подобно другим противникам кубо-футуризма, С. Глаголь сопоставлял произведения новаторов с рисунками психопатов и детей.

Первым выступил Д. Бурлюк (с разрисованным лицом). Его выступление было чрезвычайно эпатажным и вызвало бурное негодование аудитории. Он сравнил русское дофутуристическое искусство с лоханью, “где плавают огрызки огурцов и арбузные корки” (тут он назвал ряд известных русских художников XIX-XX вв.).

Д. Бурлюка сменил на кафедре Маяковский (в красном

смокинге). Вступительная часть его речи зафиксирована в газете “Раннее утро”:

— Я рад бы протянуть руку такому человеку, как Маринетти, потому что в Италии он был оплеван и освистан за искусство также, как мы в России. Но у нас привыкли преклоняться перед иностранными мастерами и травить свое талантливое и даровитое.

Речь Маяковского была прервана неожиданным эпатажным выступлением Михаила Ларионова. Обращаясь к эстраде, Ларионов закричал: — Дурак в красном и дураки в черном.

После этого художник показал присутствующим “нос”, сделал в воздухе ногой антранша и засвистал.

... Председателю с трудом удалось восстановить порядок.
Маяковский продолжал свою речь.

На требование дежурного директора удалиться из “кружка”, Ларионов ответил отказом. Дирекция была вынуждена обратиться к помощи полиции...

... Маяковский заканчивал свою речь, обращаясь к публике с такими словами:

— Вы еще не раз услышите треск футуристических пощечин! (“Раннее утро”, “Русские ведомости”, “Голос Москвы” 1914, 14 февраля; “Сибирь”, Иркутск, 1914, 23 февраля).

Через день в газете “Новь” было помещено письмо Маяковского, К. Большакова и В. Шершеневича, где они отрицали “всякую преемственность от итало-футуристов” (“Новь” 1914, 15 февраля).

* * *

17 февраля Маринетти уехал из России. В личной беседе Р. Якобсон сообщил, что накануне отъезда Маринетти в гостинице “Метрополь” состоялась прощальная встреча итальянского гостя с русскими футуристами.⁵⁵ Там же

⁵⁵ О личных беседах Маяковского и Д. Бурлюка с Маринетти мы не располагаем документальными сведениями. Сохранилось петербургское издание книги Маринетти *Футуризм* (1914), со следующим автографом: “A mon ami David Burliuk avec ma forte poignée de main futuriste. F. T. Marinetti” (ШГАЛИ).

Якобсон впервые встретился с Маяковским.

По сообщению газеты “Новь”, на вокзал Александровской железной дороги явились “почти все представители искусства будущего”. К сожалению, ни в одной из московских газет не названы имена ни провожавших, ни отсутствовавших (“Новь” и “Русское слово” 1914, 18 февраля).

Устроить собрание русских футуристов всех направлений “с целью выработки общей программы” Маринетти так и не удалось.

Встречи и столкновения с кубо-футуристами убедили его в том, что русский футуризм вырастает из совершенно особых социальных условий и что его теория и практика не совпадают с программой итальянцев.

Покидая Россию, Маринетти вынужден был признать, что у русских и итальянских футуристов общее — только кличка и борьба с культом прошлого.

В одной из бесед с Н. Кульбином Маринетти заявил, что русские футуристы слишком отвялены в отличие от очень земных итальянских футуристов.⁵⁶

Эти определения свидетельствуют о том, что он подметил тенденцию русских футуристов к абстрактным “самовитым” построениям.

“Очень земной” вождь итальянских футуристов отталкивал русских новаторов-богемцев своей “буржуазностью”. Характеристика Маринетти, сделанная И. Зданевичем, может быть дополнена разоблачительным сообщением Георгия Якулова (в письме к Н. Кульбину): “... Несколько удивлен его отношением к русским художникам. Мне кажется, что ему следовало бы нанести нам визит и познакомиться с живописью каждого, вместо усиленных посещений московской плутократии, чем он главным образом занимался” (О. р. Русского музея).

По возвращении в Рим Маринетти выступил с докладом, в котором объявил русских новаторов “лже-футуристами, исказящими истинный смысл великой религии обновления мира при помощи футуризма”.⁵⁷

⁵⁶ См. статью Р. (Ромуальды) Бодуэн де Куртене “Галопом вперед” (журн. “Вестник знания”, СПб. 1914, № 5).

⁵⁷ См. корреспонденцию из Рима М. Первухина в газ. “Русское слово” (1914, 12 апреля) и его же статью в журн. “Современный мир” (1914, № 3, с. 173). По

* * *

После отъезда Маринетти, вечером 17 февраля Маяковский и Д. Бурлюк участвовали в прениях по докладу А. Лепковской “Сказки и правда о женщине” (аудитория Политехнического музея):

Появление В. Маяковского во время доклада вызвало инцидент. Когда он показался на эстраде в пестрой кофте турецкого рисунка и с хлыстом в руке, легкий смех прошел по рядам аудитории. Устроительница незаметно пригласила Маяковского в комнату за эстрадой; туда же направился представитель полиции. В. Маяковскому было предложено переодеться. Маяковский поехал домой и через полчаса появился в аудитории в пиджаке апельсинового цвета... Общественное мнение, к которому взвыала докладчица, он обозвал парфюмерно-будуарной логикой мещан (“Русские ведомости”, “Раннее утро”, “Русское слово” 1914, 18 февраля).

Затем Маяковский, Д. Бурлюк и В. Каменский снова отправились в турне. 20 февраля состоялось весьма успешное выступление в Казани. В. Каменский вспоминал:

В огромном зале ‘Дворянского собрания’ казанские студенты, запрудившие проходы и окна, так нас горячо приветствовали, что полицеймейстер шесть раз прерывал наше выступление... Желтая кофта Маяковского не внушала никакого доверия полиции. В казанских газетах наряду с обвинениями в “шарлатанстве” было отмечено, что людям будущего нельзя отказать ни в “оригинальности”, ни в “талантливости”, ни в “красоте изложения”.⁵⁸

инициативе Маринетти, в апреле 1914 г. состоялось открытие “Международной футуристической выставки” (*Esposizione libera futurista internazionale*) в Риме, с участием художников Италии, России, Англии, Бельгии и США. Число русских участников выставки было крайне незначительным. Если не считать покинувшего родину еще в 1908 г. Архипенко и находившейся в то время в Италии А. Экстер, в выставке приняли участие только Н. Кульбин и Ольга Розанова. См. каталог выставки *Il contributo russo alle avanguardie plastiche* (Milano, Roma) и мой обзор в журн. “Paragone” (1965, № 183).

⁵⁸ В. Каменский, Юность Маяковского, Тифлис 1931, с. 50; “Камско-Волжская речь”, Казань 1914, 22 февраля; “Город Казань” и “Казанский Телеграф” 1914, 23 февраля. Стоит отметить, что тогда же, 22 февраля 1914 г. в Киеве состоялся “Вечер нового искусства”: лекция Н. Кульбина “Грядущий день и

Из Казани Маяковский вернулся в Москву, а Д. Бурлюк отправился в Пензу, где уже появились анонсы об их выступлении.

23 февраля в московской прессе было оповещено об исключении Маяковского и Д. Бурлюка из Училища живописи. Это чрезвычайно усложнило переговоры Д. Бурлюка с пензенской администрацией.⁵⁹ Свой отказ полицеемейстер мотивировал тем, что оба лектора-футуристы исключены из Училища и их дурно аттестует “вся печать”. Получив, наконец, разрешение, Д. Бурлюк 28 февраля телеграфировал В. Каменскому: “Позаботься выездом Маяковского в Пензу. Тебе удивляюсь” (Архив В. В. Каменского).

Вечер Маяковского и Д. Бурлюка в Пензе состоялся 3 марта (зал Соединенного собрания). В. Каменский не выступал. Полицией были приняты меры, чтобы поэты выступали без “маскарадных костюмов” и без футуристического грима (“Пензенские ведомости” 1914, 2, 3, и 5 марта).

Сохранилось письмо Д. Бурлюка, посланное Н. Кульбину в день выступления в Пензе: “Мне в Пензу привезли ваше письмо... Очень жаль, что не дали ничего для журнала. Выходит большой и боевой... Привет вам от Великого Каменского. Маяковскому говорил. Он ведь добрый малый, а его темперамент и молодость — чисто физическая, многое ему прощают...”⁶⁰

Из Пензы три соратника вернулись в Москву, где одновременно были изданы “Первый журнал русских футуристов” и трагедия “Владимир Маяковский”.

2 и 4 марта кубо-футуристы предполагали выступить в

искусство будущего” и доклад А. Крученых “О будетлянах” (“Киевлянин” 1914, 22 февраля; отрицательные отзывы — там же, 25 февраля и 2 марта).

⁵⁹ См. в статье Д. Бурлюка “Изничтожение футурного вкуса” (“Новь” 1914, 1 марта).

⁶⁰ Подробных сведений о скандале Маяковского с Н. Кульбиным не сохранилось. Не исключена возможность, что Маяковский был недоволен поведением Н. Кульбина на петербургском диспуте “Наш ответ Маринетти” (11 февраля 1914 г.): когда один из участников диспута, обвиняя публику в том, что она является источником скандалов на вечерах футуристов, процитировал строку из стихотворного памфлета Маяковского “Нate!” (оштенинт ножки стоглавая вошь), Н. Кульбин предложил оратору “осторожно выбирать выражения” (“День” 1914, 13 февраля).

городах Гродно и Белостоке. 21 февраля гродненский губернатор послал московскому градоначальнику запрос о политической благонадежности футуристов. К ответу была приложена справка о Маяковском из Охранного отделения, и поэтому “поэзо-концерты” в Гродно и Белостоке не состоялись.⁶¹

8 марта состоялся вечер Д. Бурлюка и В. Каменского в Самаре (Маяковский не выступил).⁶² В местной газете есть любопытные сведения о выступлении футуристов в Городском театре: “По непредвиденным обстоятельствам лекция прерывается... Полиция не разрешила далее пяти часов. Целый наряд городовых направляется на сцену”.

13 марта Д. Бурлюк и Маяковский приехали в Ростов-на-Дону (“Южный Телеграф”, Ростов-на-Дону 1914, 15 марта). Отсюда Д. Бурлюк 16 марта писал Б. Лившицу: “Последние лекции дают убыток. Пресса относится ужасно — замалчивает... Пришлось печатание поручить Шершеневичу и — мальчишеское самолюбие — 1-2 № журнала вышел вздор!”.⁶³

Еще более резкую оценку “работы” В. Шершеневича получила в письме Д. Бурлюка, посланном на следующий день В. Каменскому: “... сволочь-Шершеневич, ведь из моих стихов прямо окрошка сделана: назло. Вообще книга “сделана” неумело (если бы был я сам, она имела бы другой вид) и рисунков мало...” (ЦГАЛИ).

Вечер Маяковского и Д. Бурлюка, состоявшийся в Ростове-на-Дону 17 марта (в Большом Машонкинском театре), по словам фельетониста, “привлек очень много публики и по-

⁶¹ “Волжское слово”, Самара, 1914, 9 марта. Предполагавшееся в начале марта выступление кубо-футуристов в Житомире не состоялось. См. заметку в газ. “Жизнь Волыни” (Житомир 1914, 7 марта).

⁶² “Голос Самары” 1914, 9 марта. В Самаре В. Каменский читал доклад “Аэропланы и поэзия футуристов”: “О влиянии технических изобретений на поэзию. Пробеги автомобилей и полеты аэропланов, сокращая землю, дают новое мироощущение. Новая красота. Умышленная клевета на футуристов критиков литературного хвоста. Невежественные толкования газет о наших выступлениях. Отсюда предубежденное отношение большинства публики кисканиям футуристов. Причины непонимания задач искусства. Слово утешения к тем, кто свистит нам — вестникам будущего. Наши достижения в творчестве. Напрасные обвинения в скандалах, мы только — поэты” (афиша).

⁶³ В начале 30-х гг. письмо Д. Бурлюка хранилось у Б. Лившица.

лиции". Вместе с поэтами выступала в качестве танцовщицы Н. Эльснер (Н. В. Николаева, приятельница Н. Гончаровой, В. Хлебникова и Д. Бурлюка).⁶⁴

Из Ростова-на-Дону Маяковский и Д. Бурлюк приехали в Саратов, где выступили 19 марта в "наполовину пустом" зале консерватории.⁶⁵ В саратовской прессе их выступление получило весьма положительную оценку:

... оба лектора, особенно Маяковский, оказались прекрасными ораторами, быстро овладевшими вниманием публики. И то, что говорили они об эволюции искусства и задачах футуризма... оказалось очень далеким от того, что принято думать о них среди широкой публики... Футуристы... в области искусства вырабатывают новые формы и способы. ... Раньше искусство было статическим, ... теперь оно должно стать динамическим... А так как город является тем местом, где новые формы жизни выражены с наибольшей яркостью, то футуристы являются урбанистами по преимуществу. Правда, и до них были поэты, воспевавшие города — Верхарн, а у нас Брюсов. Но они подходили к темам с неврастенической стороны, в их произведениях слышалась боль, тоска, разочарование, меланхолия. Футуристы приветствуют нарождение новой жизни и воспевают сегодняшний день во имя будущего. Они поэты жизни, борьбы, и в этом их отличие от урбанистов предшествующего периода ("Саратовский вестник" 1914, 21 марта).

В другой саратовской газете есть интересные подробности о лекции Д. Бурлюка:

Д. Бурлюк сравнил футуристов с солдатами, завоевающими новые недоступные области, куда потом уже, по удобному рельсовому пути, спокойно устремятся массы. Жестоко досталось "же Критике", являющейся, по словам Бурлюка, паразитом на творчестве новаторов ("Саратовский листок" 1914, 21 марта).

24 марта поэты приехали в Тифлис и в тот же день совершили прогулку по Головинскому проспекту: Маяковский в желтой кофте, В. Каменский "в каком-то странном уборе на

⁶⁴ "Приазовский край", "Утро юга", Ростов-на-Дону 1914, 19 марта; "Ростовский на Дону листок" 1914, 20 марта. В письме Хлебникову (от 17 марта) Д. Бурлюк писал, что вечер в Ростове-на-Дону дал "250 рублей убытку".

⁶⁵ Маяковский и Д. Бурлюк предполагали выступить в Саратове еще в феврале 1914 г. ("Саратовский листок", 31 января).

голове”, Д. Бурлюк с раскрашенным лицом. За ними неотступно шла толпа подростков, принявших их за цирковых актеров (“Тифлисский листок” 1914, 27 марта). Выступление состоялось через два дня в Казенном театре.

Поэты “при поднятии занавеса” сидели за длинным столом. Посреди — Маяковский в желтой кофте, по одну сторону — Каменский в черном плаще с блестящими звездами, по другую — Бурлюк в розовом пиджаке. На столе перед Маяковским стоял колокол для водворения тишины и порядка.⁶⁶

Об этом выступлении Маяковского Д. Бурлюк вспоминал в 1920 г.: “Когда весной 1914 г. мы... посетили Тифлис, я помню то удивление, кое было вызвано среди грузин приветственным словом, с каким Маяковский обратился на лекции к местному населению. Маяковский сказал его по-грузински”⁶⁷.

29 марта 1914 г. три поэта выступили в Баку в театре братьев Маиловых (“Баку”, “Каспий” 1914, 25 марта).

Незадолго до их приезда лекцию о футуризме (“Грядущий день и искусство будущего”) прочел в Баку Н. Кульбин (“Баку” 1914, 11 марта).

Эпатажный грим футуристов и их театрализованное выступление описаны подробно в газетном отчете, озаглавленном “Современные варвары”:

Уже с утра они ходили по городу с размалеванными физиономиями. На сцене они восседали в театральных креслах с высокими спинками за большим столом. Лица причудливо расписаны, а Д. Бурлюк, кроме этого, написал у себя на лбу: “я Бурлюк”... В. В.

⁶⁶ “Тифлисский листок” 1914, 30 марта; “Кавказ” 1914, 29 марта, где докладам и стихам футуристов дана отрицательная оценка. Тезисы В. Каменского повторяли тезисы его лекции “Смехачам наш ответ”, но замена заглавия (“Аэропланы и поэзия футуристов”) вызвала прибавление вступительной части: “О влиянии технических изобретений на поэзию. Пробеги автомобилей и пролеты аэропланов, сокращая землю, дают новое мироощущение. Новая красота” (программа).

⁶⁷ Д. Бурлюк, *Владимир Маяковский* (журн. “Творчество”, Владивосток 1920, № 1, с. 11). В *Книге о Евреинове* (П. 1917), вспоминая о выступлении в Тифлисе, В. Каменский писал: “Не странно-ли было видеть... песнебойцев-ораторов, наряженных в яркоцветные одеяния и не постыдившихся разрисовать свои лица для идеи театрализации жизни, для убеждения нового понятия о красоте... Здесь мне хочется подчеркнуть несомненное влияние на современных поэтов, в смысле воплощения, театральной идеи Евреинова” (с. 40-41).

Маяковский нарядился в желтую ситцевую кофту и красную феску; кроме того, они прикрепили на груди по пучку редиса и навесили редис на пуговицы... (“Каспий”, “Баку”, 1914, 1 апреля).

Выступлением в Баку турне кубо-футуристов окончилось.⁶⁸ В течение 3½ месяцев они посетили 15 городов.⁶⁹

Во время турне звучащее слово Маяковского имело наибольший социальный резонанс. Успех Маяковского в качестве пропагандиста теории и практики кубо-футуризма отмечен даже в изdevательских фельетонах желтой прессы. Властный голос двадцатилетнего поэта побеждал шум “моря негодования”. Однако, это объясняется не только огромным ораторским талантом Маяковского, но и публицистической устремленностью его “голосового” стиха и связанным с нею образом поэта-трибуна. Образ этот становится центральным уже в вещах 1913 г., непосредственно обращенных к аудитории (“Владимир Маяковский”, “Нате!”, “Кофта фата”, “А все-таки” и др.).

⁶⁸ Через две недели по завершении турне, 12 и 13 апреля Маяковский и К. Большаков выступали в Калуге (“Калужский курьер” 1914, 17 апреля).

⁶⁹ Ср. в автобиографии Д. Бурлюка, где неточно указано, что кубо-футуристы выступали в 27 городах (“Бурлюк пожимает руку Вульворт-Бильдингу”, Нью-Йорк 1914, с. 45). См. также в *Книге о Евреинове* В. Каменского (П. 1917): “Футуристы-песнебойцы ходили (турне с лекциями по России) по улицам более чем 20-ти городов...” (с. 40).

